ДБ
400
П99

Пясковский А.В.
"Ленские
события
1912 года"

М., 1939.

ДБ
400
П 99

А. В. ПЯСКОВСКИЙ

ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ 1912 года

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1939

ДБ
400
П99

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. В. ПЯСКОВСКИЙ

ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ 1912 года

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Д. ПИТЕРСКОГО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1939

14 экз

Содержание

	Стр.
I. В годы столыпинской реакции	3
II. „Ленское золотопромышленное товарищество“	9
III. „Белозеровский режим“	17
IV. Положение рабочих на приисках	27
V. Забастовка на Лене	44
VI. Расстрел рабочих	61
VII. Значение ленских событий	70
VIII. На Ленских золотых приисках — сегодня	75

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
522971

Отв. редактор Н. Детков.
Техн. редактор Ю. Гурвич

Сдано в набор 8/IV 1939 г. Подписано к печати 11 IV 1939 г. Московский рабочий № 104. Форм. бум. 82×110 см. 1/32 д. л. Об'ем 5 печ. л. В печ. л. 33 600 зн. Уч. изд. л., 4,3. Тираж 10 000 экз. Мособлгорлит Б—3184 Заказ № 183

Типография издательства „Московский рабочий“, Петровка, 17.

«Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения».

И. В. Сталин.

(«Звезда» № 32 от 19 апреля (2 мая) 1912 г.)

I. В годы столыпинской реакции

После поражения революции 1905—1907 гг. наступила полоса самой черной реакции, насилия и бесправия, полоса натиска капиталистов и помещиков на рабочих и трудящихся крестьян. Наступила полоса столыпинской реакции. Кровавый царизм, помещики и капиталисты пытались, с одной стороны, окончательно разгромить и обескровить революционное движение рабочих и крестьян, а с другой стороны, использовать благоприятную для них политическую кон'юнктуру в целях увеличения своих прибылей.

«Еще сильнее, — писал Ленин, — стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и, особенно, в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено **мстили** революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»[1].

Торжество столыпинской реакции было торжеством кнута и виселиц, торжеством самой свирепой эксплоа-

---

[1] **Ленин,** т. XIV, стр. 391.

тации. «Столыпинский галстук», как называли рабочие виселицу, стал символом этого мрачного режима.

3 июня 1907 г. царское правительство разогнало неугодную ему II Государственную думу. Социал-демократическая фракция думы, насчитывавшая 65 депутатов, была арестована и сослана в Сибирь. Царское правительство издало новый избирательный закон, который обеспечивал в думе полное господство черносотенных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии. Представительство рабочих и крестьян было сокращено во много раз.

Разгон II думы послужил сигналом для наступления контрреволюции по всему фронту. С этого момента царизм, вынужденный было во время революции 1905 г. пойти на кое-какие уступки, резко поворачивает назад, снова пытается придавить «зубром» (выражение Ленина) общественное развитие, применить свою излюбленную формулу «тащить и не пущать»...

1907—1912 годы — это годы кровавого террора и полицейского произвола. По всей стране свирепствовали в это время карательные отряды и военно-полевые суды, введенные Столыпиным еще в 1906 г. для упрощенной расправы с революционерами. «Судопроизводство» в этих судах теряло всякую видимость законности. Преданный военно-полевому суду, как правило, приговаривался к смертной казни и не имел даже права апелляции. Приговор суда приводился в исполнение немедленно.

Только за два года, с 1907 по 1909 г., по далеко не полным данным, было вынесено свыше 26 тыс. приговоров за участие в революционном движении, свыше 5 тыс. человек было приговорено к смертной казни. Десятки тысяч революционеров томились в каторжных тюрьмах, крепостях, в местах ссылки. Избиения и пытки в тюрьмах стали обычным явлением.

Черносотенные погромы прокатывались по всей стране, особенно в так называемой «черте оседлости» — районах, населенных евреями. Громилы и хулиганы из черносотенных «союза русского народа», со-

юза «Михаила архангела» и др. орудовали по прямому наущению царских властей и при их поддержке.

Кровавый царь окружил себя шайкой самых мрачных, реакционных фигур: Столыпин, Трепов, Дурново, Щегловитов, Курлов и др. издевались над страной и народом.

Был издан ряд чрезвычайных законодательных актов, проведенных в порядке «знаменитой» 87-й статьи основных законов. Эта статья давала право царизму издавать законы «во время прекращения занятий Государственной думы» без санкции думы, «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере». Столыпин широко использовал это «право». Так был принят закон о военно-полевых судах, «повеление об усилении ответственности за распространение среди войска противоправительственных суждений и учений» и целый ряд других. Был принят ряд антисемитских законоположений, например положение о процентной норме для евреев при поступлении в учебные заведения.

Позже граф Витте, этот сторожевой пес русского царизма, так характеризовал в своих воспоминаниях Столыпина и его режим. «Можно сказать, — писал он, — что Столыпин был образцом политического разбойника, ибо он на протяжении 5 лет из либерального премьера обратился в реакционера, и такого реакционера, который не брезгал никакими средствами для того, чтобы сохранить власть, и произвольно, с нарушением всяких законов, правил Россией»[1]. И дальше: «...Столыпин последние два-три года своего управления водворил в России положительный террор, но самое главное, внес во все отправления государственной жизни полнейший произвол и полицейское усмотрение»[2]. «Щегловитов (министр юстиции при Столыпине. — **А. П.**), можно сказать, уничтожил суд. Теперь

---

[1] **Граф С. Ю. Витте,** Воспоминания, т. II, стр. 315, Гиз, 1923 г.

[2] **Там же**, стр. 295.

трудно определить: где кончается суд, где начинается полиция и где начинаются Азефы» [1].

Особенно дикими репрессиями обрушилось царское правительство на рабочий класс. Были приняты самые жестокие меры для того, чтобы разгромить его политические и экономические организации.

С 1906 по 1910 г. было закрыто 497 профсоюзов, отказано в регистрации 604 союзам, арестовано (по неполным данным) 906 деятелей профдвижения, выслано 381, закрыто более 100 профсоюзных газет и журналов. Профессиональное движение уходило в подполье.

Еще более жестокому преследованию подвергались большевистские организации. Провокация и предательство, насаждаемые царской охранкой, процветали во-всю. Даже в руководящий центр нашей партии проник в это время провокатор Малиновский.

Наряду с полицейскими репрессиями, шло широкое наступление капиталистов на рабочий класс. Этому способствовал глубокий экономический кризис, свирепствовавший в 1907—1909 гг. Сотни промышленных предприятий либо закрывались, либо сокращали производство, и рабочие массами выбрасывались на улицу. В первую очередь подпадали под сокращение передовые рабочие. Массовая безработица давала капиталистам дополнительные возможности для нажима на рабочий класс и усиления его эксплоатации.

Заработная плата понижалась, причем снижение достигало иногда 25% и больше. Уже в 1908 г. расценки были снижены на 10—15%; рабочий день увеличивался повсюду до 10—12 и больше часов. Восстановлена была система грабительских штрафов и выдача рабочим взамен денег товаров из фабричных лавок по повышенным ценам и плохого качества. Ухудшение условий труда проводилось настойчиво и систематически. На фабриках и заводах росло количество несчастных случаев, возрастала заболеваемость.

---

[1] **Граф С. Ю. Витте,** Воспоминания, т. II, стр. 279, Гиз, 1923 г.

Все улучшения в положении рабочих, отвоеванные революцией 1905—1907 гг., были сведены на-нет.

Трудящиеся массы крестьянства, в результате так называемого столыпинского аграрного законодательства, были брошены в лапы кулака. Община, а вместе с ней и мелкое крестьянское хозяйство были отданы кулаку, как говорил Ленин, «на поток и разграбление». Столыпинская реформа означала «ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков» [1]. Во времена столыпинской реакции было разорено и истреблено таким образом более миллиона маломощных крестьянских хозяйств.

Угнетение национальностей в период столыпинской реакции стало еще более гнусным и тяжелым. Национальный гнет проводился в самых откровенных и грубых формах. Самодержавие через полицейско-чиновничий аппарат всеми мерами разжигало национальную рознь и натравливало одни национальности на другие.

В этой обстановке экономического застоя и политической реакции наступает полоса временного затишья в рабочем движении. Число забастовок и участников в них резко снижается. Если в 1905 г. в забастовках участвовало почти 3 млн. рабочих, то в 1908 г. бастовало только 174 тыс. рабочих, а в 1909 г. еще меньше — только 64 тыс.

На убыль пошло и крестьянское движение. Лишь отдельные поджоги помещичьих и кулацких усадеб в эти годы являлись слабым протестом трудящегося крестьянства против разорения и кабалы.

«Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплевывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом «культа личности».

В области философии усилились попытки «критики», ревизии марксизма, а также появились всевоз-

---

[1] **Ленин**, т. XII, стр. 135.

можные религиозные течения, прикрытые якобы «научными» доводами.

«Критика» марксизма стала модой» [1].

О настроениях внутри русского буржуазного общества в этот период Ленин писал в январе 1911 г. следующее:

«Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности» [2].

Меньшевики-ликвидаторы и троцкисты позорно отреклись от революционных лозунгов и принялись хоронить революцию. Они не верили в возможность нового под'ема революции, не верили в революционные силы пролетариата и крестьянства. Они по существу предавали рабочий класс, пытаясь обезоружить его не только идейно, но и организационно. Они разваливали партийные организации, проповедовали необходимость уничтожения нелегальных организаций партии и т. д. «Многие мелкобуржуазные попутчики партии, особенно интеллигенты, покидали ряды партии, боясь преследований царского правительства» [3].

Только большевики, во главе с Лениным и Сталиным, остались верными революции. «В отличие от меньшевиков большевики были уверены в том, что в ближайшие годы наступит революционный под'ем, и что партия обязана готовить массы к этому новому под'ему» [4]. Исходя из этого, большевики стремились сохранить и укрепить нелегальную партию, пользовались всеми легальными возможностями для укрепле-

---

[1] «История ВКП(б)», стр. 96—97.
[2] **Ленин,** т. XV, стр. 73.
[3] «История ВКП(б)», стр. 127.
[4] **Там же,** стр. 128.

ния своих связей с массами, деятельно готовили массы для нового революционного под'ема. Большевики неустанно разоблачали ликвидаторов и троцкистов, явных и скрытых предателей революционного дела.

II. „Ленское золотопромышленное товарищество“

Особенно дикие, варварские методы эксплоатации и угнетения рабочих применялись в отдаленных, медвежьих углах царской России. Здесь, как в зеркале, отражалось общее положение рабочего класса всей царской России, его полное бесправие, полицейский произвол и террор, процветавшие в годы столыпинской реакции.

Одним из таких глухих, медвежьих углов были затерянные в далекой сибирской тайге Ленские золотые прииски, принадлежавшие «Ленскому золотопромышленному товариществу» («Лензото»).

История этих приисков — нагляднейшая страница развития капитализма в России, сращивания промышленного капитала с банковым, образования монополий, зависимости государственного аппарата от этих монополий, зависимого положения русского монополистического капитализма от иностранного финансового капитала и связанной со всем этим полуколониальной эксплоатации рабочего класса царской России.

В 1896 г. паевое товарищество «Лензото» преобразовывается в акционерное общество и постепенно превращается в самое крупное предприятие края. С этого времени происходит быстрая концентрация капиталов и централизация всех золотопромышленных предприятий тайги в руках «Лензото».

«Ленское товарищество» скупает все золотопромышленные предприятия края и большинство заявок на новые золотоносные площади. Более мелкие общества и предприятия, не выдерживая конкуренции, гибнут и переходят постепенно в руки «Лензото». К 1910 г. «Лензото» превращается в монопольного, неограниченного властителя всей приленской тайги.

Ему принадлежит 423 прииска, раскинутых на площади почти в 39 тыс. десятин, с 8 тыс. рабочих.

Для укрепления монополии «Товарищество», пользуясь своим влиянием на местную полицию и администрацию, принимает все меры к недопущению в Витимско-Олекминский район новых золотопромышленников. Оно стремится стать монополистом и в области торговли. Для достижения этого широко применяются меры внеэкономического принуждения: рабочим, под страхом расчета, запрещается покупать продукты у других торговцев; вводится талонная система расчетов с рабочими, вынуждающая покупать все в магазинах «Товарищества»; практикуются репрессии по отношению к торговцам.

Упорное стремление «Лензото» добиться торговой монополии в районе об'ясняется весьма просто. По отчетам «Лензото», только за 1910 г., например, «Товарищество» получило от торговли 277 тыс. руб. чистой прибыли. Широкие закупки для торговых целей мяса, хлеба, овощей и пр. поставили в зависимость от «Лензото» все приисковое земледелие и скотоводство. Почти все местное якутское население очутилось в экономической кабале у «Товарищества».

В полной зависимости от него оказалось с 1910—1911 гг. и все «земское хозяйство» Олекминского и Витимского округов: больницы, приюты, почтово-телеграфные конторы, тюрьмы, помещения и квартиры мировых судей, горных исправников, горных инженеров и полиции. Все это содержало «Лензото». Оно «помогало» казне и в содержании полиции, выдавало «чинам стражи пищевое и на лошадей конным чинам фуражное довольствие», содержало арестантов, оплачивало раз'езды должностных лиц, ремонтировало приисковый тракт и т. д. Даже церкви были в руках «Лензото», которое оплачивало священников.

Словом, весь приисковый золотопромышленный район превратился фактически в «княжество», находившееся в полной и неограниченной кабале у «Лензото». Это признавали даже представители царской власти. В своей телеграмме министру внутренних дел

иркутский губернатор Бантыш писал 24 марта 1912 г.: «...Правительством издавна допущено полное порабощение громадного Витимско-Олекминского района Лен. Зол. Т-вом в смысле монополизации всей торгово-промышленной жизни края...»

Полное экономическое порабощение края привело к тому, что и политическая власть во всем районе — полиция, суд, горный надзор и прочие судебно-административные органы — оказалась фактически в руках «Ленского товарищества».

«Нет нужды раз'яснять, — читаем мы в «Правде о Ленских событиях» [1], — в какую моральную и фактическую зависимость от Л. З. Т-ва попали все органы местной правительственной власти: в руках Л. З. Т-ва оказалась возможность тысячью мелочей — отводом плохих помещений под квартиру, отказом в ремонте, задержкой лошадей и т. д. и т. д. — отравить жизнь непослушных и, наоборот, усладить жизнь внимательных к его нуждам чиновников».

Но этого мало. Местные полицейские, судебные и административные чиновники открыто подкупались «Ленским товариществом». На этот подкуп по смете ассигновывались специальные суммы. В секретном письме управляющему Ленскими приисками от 19 декабря 1903 г. правление «Лензото» писало: «...Правление отнюдь не предполагает лишать вас возможности вознаграждать лиц, оказывающих Ленскому товариществу содействие, по мере заслуг».

В одном из писем управляющего промыслами правлению «Лензото» (от 23 марта 1906 г.) мы находим следующее место: «Расписок от горных исправников

---

[1] Книга «Правда о Ленских событиях» была издана в 1913 г. бывш. председателем стачечного комитета во время забастовки 1912 г. на Ленских приисках Баташевым. В книгу вошли «материалы, полученные от выборных ленских рабочих и всех лиц, сочувствовавших раз'яснению истины» (из предисловия к книге); в частности, в нее вошли материалы, собранные на приисках после ленского расстрела 1912 г. представителями адвокатуры Петербурга, Москвы и Иркутска, а также частично и материалы ревизии сенатора Манухина.

(горная полиция. — **А. П.**) в получении выдаваемых им конфиденциально денег не получалось в видах нелегальности помянутого сбора с золотопромышленников». Известно, что жандармский ротмистр Трещенков, расстрелявший в день 4 (17) апреля 1912 г. сотни рабочих, получил так же конфиденциально «субсидию» от «Лензото» в сумме 2 400 руб. и, кроме того, получал от этого же «Товарищества» ежедневно по 15 руб. суточных и столовался у управляющего приисками.

Многие из приисковых служащих и некоторые из чиновников владели акциями «Лензото» и были кровно заинтересованы в его «процветании». К числу таких служащих и чиновников принадлежал, например, зам. главноуправляющего приисками Теппан, мировой судья Хитун, прозванный рабочими «золотым судьей». Известно, что этот «золотой судья» принимал совместно с Трещенковым непосредственное участие в расстреле рабочих, а позже всячески запутывал следственное дело, пытаясь выгородить Трещенкова и обвинить рабочих.

Но не только местные правительственные власти кормились у пирога «Ленского золотопромышленного товарищества». Частью акций «Лензото» владели и такие «тузы», как граф Витте (бывш. царский министр финансов, позже премьер-министр), министр торговли и промышленности Тимашев, мать Николая Кровавого — Мария Федоровна и др. В состав правления «Лензото» входил директор Государственного банка Бояновский. Во главе общества, финансировавшего «Лензото», стояли такие лица, как бывш. царский министр торговли Тимирязев, бывш. министр финансов Вышнеградский, известный промышленник Путилов. Один из крупнейших заправил и почти постоянный председатель правления «Лензото» барон Гинцбург имел весьма солидные связи в правительственных кругах. Достаточно сказать, что после реорганизации «Лензото» в акционерное общество Гинцбург в 1896 г. ездил лично представляться Николаю Кровавому.

Участие в прибылях «Лензото» «высочайших особ»

давало полную гарантию безнаказанности людям, творившим любые беззакония, любые преступления, как бы кошмарны эти преступления ни были. «Имейте в виду участие в Лензото высочайших особ», — недвусмысленно пригрозил ротмистр Трещенков мировому судье Рейну, взявшемуся было всерьез за расследование кровавых событий на Лене[1].

Связи в «высших» кругах Петербурга были выгодны «Ленскому товариществу» и с другой стороны. Пользуясь этими связями, «Лензото» ловко обделывало свои коммерческие делишки. Через министерство финансов оно добилось права на беспошлинный ввоз машин из-за границы; через Главный штаб оно добилось льгот по призыву на военную службу (во время русско-японской войны): запасные и ратники ополчения из числа служащих и рабочих «Лензото» были оставлены на приисках; через тюремное ведомство «Лензото» добилось права использования на приисках каторжан в качестве рабочих. Особенно большая помощь была оказана «Лензото» по линии финансовой.

В 1899—1902 гг. «Лензото» переживало острый финансовый кризис. За эти три года «Товарищество» потерпело более 4 млн. руб. убытка, его долг превышал в это время 10 млн. руб. О выплате дивидендов не могло быть и речи. И вот государственный банк предоставил «Товариществу» неограниченные кредиты. Директор Государственного банка (Бояновский) вошел в состав правления «Лензото». Управляющий приисками должен был назначаться по указанию банка. Вся хозяйственная жизнь приисков перешла под контроль банка. Это был один из эпизодов слияния банкового капитала с промышленным и зарождения финансового капитала в России.

Целым рядом жестких мероприятий, главным образом по линии самого свирепого нажима на рабочих, их полуколониальной эксплоатации, банку удается в сравнительно короткий срок произвести в делах «То-

[1] Когда эта угроза не подействовала, Рейн, как известно, был отстранен от дальнейшего ведения следствия.

варищества», по выражению «Лензото», «животворный переворот».

Вот цифры чистых прибылей «Лензото» [1]:

Годы	Чистая прибыль	Убыток	Чистая прибыль в процентах [2]
1896/97. . .	0	0	0
1897/98. . .	651 368 р. 84 к.	—	5,9
1898/99. . .	441 778 „ 86 „	—	4,0
1899/1900. .	—	43 345 р. 88 к.	—
1900/01. . .	—	897 672 „ 78 „	—
1901/02. . .	—	3 300 650 „ — „	—
1903/04. . .	479 000 р. — к. [3]	—	4,3
1904/05. . .	846 600 „ — „ [3]	—	7,6
1905/06. . .	311 000 „ — „ [3]	—	2,8
1906/07. . .	1 977 000 „ — „ [3]	—	17,8
1907/08. . .	2 698 000 „ — „ [3]	—	40,5 [3]
1908/09. . .	4 709 000 „ — „ [3]	—	70,7 [4]
1909/10. . .	6 812 925 „ 66 „	—	61,4
1910/11. . .	5 273 360 „ 95 „	—	47,5
1911/12. . .	—	415 171 р. 40 к.	—

[1] Цифры по 1901/02 г. включительно — по данным отчетов «Лензото»; с 1903/04 г. — по расчету Промыслового присутствия. Цифры Промыслового присутствия расходились с данными отчетов «Лензото», ибо это последнее, в целях снижения размера подоходного налога, путем различных бухгалтерских махинаций преуменьшало действительные размеры чистых прибылей. Таким образом, цифры Промыслового присутствия, несомненно, более правильны, хотя и они, конечно, не являются исчерпывающими. В действительности прибыли «Лензото» были еще более высокими.

[2] По отношению к величине акционерного капитала.

[3] Цифры приведены округленно.

[4] За эти два года прибыль в процентах дает чрезмерный скачок потому, что в течение этих двух лет акционерный капитал «Лензото» был уменьшен до 6 660 тыс. руб. В течение всего остального времени он равнялся 11 100 тыс. руб. Поэтому эти две цифры чистой прибыли в процентах нельзя сравнивать ни с предыдущими, ни с последующими. Если бы акционерный капитал и в эти два года оставался равным 11 100 тыс. руб., то чистая прибыль в процентах была бы 24,3 для 1907/08 г. и 42,4 для 1908/09 г.

Из этой таблицы видно, что уже в 1903/04 г. наметился резкий перелом в делах «Товарищества». С убытками покончено. Чистые прибыли начинают быстро итти в гору.

Революция дает резкое снижение доходов «Товарищества»: прибыль в 1905/06 г. падает до 311 тыс. руб., т. е. до цифры почти в три раза меньшей, чем в предыдущем 1904/05 г.

Зато начиная с 1907 г., в годы столыпинской реакции, доходы «Товарищества» начинают со сказочной быстротой возрастать. Для капиталистов наступает золотая пора «процветания». Чистые прибыли Ленского товарищества достигают наивысшей точки в 1909/10 г., они доходят почти до 7 млн. руб., что составляет 61% к его акционерному капиталу. За какие-нибудь 4—5 лет (с 1905/06 г.) чистая прибыль «Лензото» увеличивается, таким образом, больше чем в 22 раза!

Всеобщая забастовка на Ленских приисках в 1912 г., длившаяся почти полгода, резко обрывает «эру процветания» и приносит «Товариществу», вместо миллионов рублей чистой прибыли, полумиллионные убытки.

Эти цифры воочию показывают причины той бешеной борьбы, которую вели против забастовавших рабочих ленские заправилы и их «высокие» покровители, не остановившиеся даже перед массовым расстрелом ни в чем не повинных людей, лишь бы сорвать ненавистную им забастовку. Ведь она лишала их многомиллионных барышей.

Однако, хищникам из «Ленского товарищества» было мало простого увеличения чистых прибылей, хотя они росли со сказочной быстротой. Ведь часть этих прибылей должна была итти на расширение предприятия, на улучшение производства, на уплату долгов и пр. Их интересовали прежде всего дивиденды, т. е. та часть чистых прибылей, которая подлежала распределению среди акционеров. А Государственный банк не всегда давал развернуться так, как того желали ленские хищники.

Тогда начинаются поиски нового кредитора. Этот новый кредитор, сам больше всего заинтересованный в получении дивидендов, был вскоре найден за границей в лице английской «Русской горнопромышленной корпорации» („Russian mining Corporation"), которая основывает в 1908 г. в Лондоне для финансирования «Лензото» специальное английское общество «Ленские прииски» („The Lena-Goldfields Limited"). Общество выпускает свои шеры [1] на английском рынке, скупает почти ¾ всех акций «Лензото», освобождает «Товарищество» от долгов Государственному банку и становится таким образом фактическим хозяином «Ленского золотопромышленного товарищества». Единственным лозунгом хищников «Ленского товарищества» становится слово «дивиденд». Все приносится в жертву дивиденду: и жизнь рабочего, и интересы предприятия... Величина дивиденда растет с неимоверной быстротой. Если в 1897 г. акционерам был выдан дивиденд в размере 5%, а позже долгое время он совсем не выдавался, то в 1910 г. дивиденд был выдан в размере 20%, а в следующем, 1911 г. он составил уже 30% [2].

Но и этого разбойникам финансового капитала, привыкшим получать колониальные сверхприбыли, было мало. Ездившие на поклон к английским хозяевам директоры «Лензото» Шампониер и Бояновский телеграфировали в 1911 г. из Лондона правлению «Товарищества» в Петербург: «Сообщаю результаты моих переговоров Лондоне с Ленгольфи (сокращенное название общества «Лена-Гольдфильдс». — **А. П.**). Первое: дивиденд желателен 50%...»

О том, как хозяйничали хищники из «Ленского товарищества» на золотых приисках, новый директор правления «Лензото» Еропкин (после ленского рас-

---

[1] Один из видов ценных бумаг.

[2] Это — по данным ревизии сенатора Манухина. Директор Госбанка Бояновский в своих показаниях приводит другие цифры. «За операцию 1909/1910 гг., — по его словам, — выдан несообразно большой дивиденд в 56%». Эту же цифру приводит и «Правда о Ленских событиях».

стрела всему правлению «Лензото» пришлось уйти) писал: «...Они (т. е. чистые прибыли. — **А. П.**) не дали ни копейки ни в запасный капитал, ни в капитал погашения; они не дали ни копейки в текущий оборотный капитал... Все принесено было в жертву алчности дивидендов, одних только дивидендов, которые поглотили не менее 10 млн. наличности, оставив предприятие без всяких текущих средств и предоставляя ему изворачиваться в кредите в расчетах на милость кредиторов...»

Годы столыпинской реакции были периодом самого разнузданного хищничества владельцев Ленских приисков и выжимания ими десяти потов из рабочего. Никаких серьезных технических улучшений на приисках не производилось, единственный расчет был на мускульную силу рабочего. Промывались пески лишь с достаточно богатым содержанием золота. Для увеличения прибылей не останавливались ни перед чем и ничем не брезгали, даже контрабандной торговлей.

Хищники из «Ленского товарищества» чувствовали, однако, что этот «период процветания» для капиталистов не долговечен. «...Следует, по мнению правления, — читаем в докладе правления «Лензото» общему собранию акционеров (20 июля 1909 г.), — воспользоваться периодом настоящего процветания, чтобы обеспечить дальнейшее будущее; с этой целью следовало бы усиленно гнать разведку притоков Бодайбо, чтобы не пропустить время пустить сих с полной выгодой в разработку...»

И хищники «гнали»... И хищники не теряли времени...

III. „Белозеровский режим“

В 1902 г. главноуправляющим Ленскими приисками был назначен ставленник Государственного банка — «мануфактур-советник» Белозеров. Он должен был «оздоровить» дело путем нажима на рабочих, навести жесткую экономию, исправить положение дел после миллионных убытков без сколько-нибудь серьезных технических улучшений и дать высокие прибыли «То-

522971.

вариществу». Для этого нужен был «крепкий», прижимистый человек, каннибал, держиморда, человек-зверь, каким и был Белозеров.

Вот как характеризовала этого человека газета «Голос Белостока» (№ 85 за 1912 г.): «Это — простой, малограмотный, но энергичный и уверенный в себе «администратор», прошедший за свою 35-летнюю практику все ступени приисковых должностей. Бывший мелкий конторщик — теперь главноуправляющий всеми промыслами «Ленского товарищества», с 150-тысячным окладом жалованья, миллионер, владелец собственных золотоносных площадей и винокуренных заводов. За последнее время им приобретено имение в Крыму. Три четверти года он проводит вне приисков, раз'езжая из Крыма в Ниццу, оттуда — в Лондон, из Лондона — в Петербург.

Он сконцентрировал на себе самую неугасимую ненависть рабочих. Вступив в управление приисками около 10 лет назад, он целым рядом последовательных мероприятий ухудшил положение рабочих: понизил почти наполовину расценку сдельных работ, введенную его предшественником Л. Ф. Грауманом, удлинил рабочий день даже в таких опасных для жизни и здоровья работах, как «мокрые передовые работы»... При нем ухудшились жилищные условия, пищевые продукты стали дорожать и ухудшаться».

Белозерову была предоставлена полная свобода действий в вопросах внутренней жизни приисков.

Ни правление «Лензото», ни Государственный банк, ни — позже — «Лена-Гольдфильдс» не вмешивались в жизнь приисков. Общество «Лена-Гольдфильдс» даже в письменной форме обязалось не делать «никаких перемен ни в способе управления делом, ни в приисковом, ни в правленском персонале». Впрочем, этого и не требовалось. Всем этим трем «почтенным» организациям требовалось лишь одно: «гнать побольше дивидендов». И Белозеров их гнал.

Белозеров чрезвычайно ловко использовал в своей «работе» по выколачиванию дивидендов из рабочего то преимущественное положение, в котором на-

ходилось «Лензото», особенно в годы столыпинской реакции. Экономический кризис и безработица гнали рабочего и разорявшегося крестьянина куда угодно, даже в самые далекие дебри Сибири. Кабальный контракт и чрезвычайная отдаленность промыслов (1 743 версты от железной дороги при полном бездорожье осенью и весной) крепко привязывали рабочего к приискам. Монопольное положение «Лензото» во всем приленском крае делало для рабочего невозможным переход с одного прииска на другой. Монополия «Лензото» в области торговли обрекала ушедшего с промыслов рабочего почти на верную голодную смерть. Все это, а также зависимость от «Лензото» местных властей и поддержка в «высших» сферах Петербурга создали для Белозерова и его шайки полную безнаказанность, а для рабочего — заколдованный круг, из которого было трудно вырваться. Белозеров творил на промыслах все, что хотел.

Рабочие называли Белозерова «богом тайги» или «царем тайги». Чиновник особых поручений Оленич-Гнененко, сопровождавший после ленских событий выезжавших из тайги рабочих, приводил в своей «докладной записке» чрезвычайно интересную характеристику Белозерова, которую давали рабочие. «Тот же бог: что захотел, то и сделал. Встречали его, как могущественную особу, как владетельного князя древних времен. Всякие пустяки делал: требовал красивых чужих жен. Прямо срам творил и другим позволял озорничать, только не принимал во внимание жалобы людей».

После подавления первой русской революции Белозеров почувствовал силу и «развернулся» во-всю. Он заявил рабочим: «Я так всех заставлю работать, что от коня останется хвост да грива, а от рабочего — нос да глаза». В этих словах была вся немудреная программа «работы» Белозерова.

«Белозеровский режим» означал целую систему колониальной эксплоатации рабочего, издевательств над ним и его семьей, отношения к человеку, как к рабу.

Даже сенатор Манухин (он был послан на прииски

с ревизией для того, чтобы успокоить общественное мнение страны, возмущенное кровавой бойней на Лене), так характеризовал этот режим. «...На Ленских приисках, — писал он в своем отчете, — самая темная сторона, без сомнения, — тот дух, который господствует на промыслах, проникая во все области взаимных отношений управления и рабочего люда, дух притеснения и холодного безразличия к судьбе человека, который носит на месте уже давно весьма характерное название: «белозеровский режим». Духом этим проникнуты почти все служащие управления, связанные железной дисциплиной. Он побуждал их смотреть на рабочий люд, как на дешевое орудие производства, которое нужно использовать, пока оно годится для дела, и можно бросить без сожаления, когда испортится, и заменить новым, таким же...»

Единственным ответом Белозерова и его шайки на все жалобы рабочих были следующие слова: «Если не желаете работать — не работайте, у меня голодного народа сколько угодно».

На приисках была создана «сложная, развращающая атмосфера низкопоклонства, лести, подкупа и взаимных доносов, которыми пользовалось приисковое управление для поддержания дисциплины среди рабочих» (из отчета сенатора Манухина). Этому же служила и система спаивания рабочих, процветавшая на приисках (например, обязательная выдача водки в составе «пайка» рабочего).

Белозеров специально культивировал среди подчиненных ему приисковых служащих издевательское отношение к рабочим. «...Служащие, которые относились к рабочим более гуманно, считались администрацией «никудышными» (к числу последних принадлежал и я)»,—писал некий служащий В. И. Г. в своем частном письме, которое было вскрыто полицией и в копии сохранилось в делах департамента полиции.

Таких «никудышных» служащих Белозеров быстро выживал с приисков. Оставались там лишь такие изверги, как, например, становой Марков, которого рабочие прозвали за его зверские приемы «Волчьим зу-

бом»; Бармин, прозванный за сводничество и шпионство «Филаретом милостивым»; становой Станукинас, прозванный «Кумом» за гнусные приставания к женам рабочих; смотритель 44-й шахты, применявший к рабочим зуботычины и прозванный за это «Чугунным апостолом».

Издевательства, площадная брань даже и по отношению к женщинам, рукоприкладство и зуботычины, грубый окрик без всякого повода процветали на приисках во-всю.

Для характеристики атмосферы, царившей на приисках, приведем выдержку из прошения крестьянки Шараповой сенатору Глищинскому, поданного ему 15 марта 1911 г.:

«Рабочие по обыкновению заходят в контору и заявляют, что нам нужен расчет. Управляющий лесным делом «Ленского товарищества» господин Бедель вскакивает со стула и кричит громовым голосом на рабочих, что нет вам расчета, и притом подошел к одному рабочему и ударил его по голове, а потом во главе своих подчиненных, двух служащих, с револьверами в руках напали на мирных рабочих. Последним в ужасе пришлось выскочить без шапок из конторы. Поэтому можно заключить, что здесь опять развивается крепостное право... Господин Бедель об'ясняется с рабочими так, что «нам, как служащим «Ленского товарищества», прислано оружие стрелять вас без пощады».

Так рассчитывали рабочих на Ленских приисках... А вот как принимали на работу:

«Наем рабочих, — пишет в своих воспоминаниях бывш. член стачечного комитета на Ленских приисках рабочий Кудрявцев, — был сплошным издевательством над людьми. Стоит толпа в несколько сот человек, а становой из открытого окна конторы кричит:

— Эй ты, красная рубаха, иди сюда и давай паспорт!

Рабочий пробирается через толпу к окну и дает паспорт. Становой вдруг отталкивает его:

— Куда ты с таким пузом лезешь? Ты в забое не

повернешься, наверное, ты из «косопузых» (издевательская кличка для симбирских и нижегородских рабочих)...

Потом становой кричит следующему:

— Эй ты, длинный нос! Иди сюда...

Все оглядываются, отыскивая, у кого длинный нос, становой хохочет. И такое издевательство продолжалось 3—4 часа подряд, пока пьяный самодур не выбирал 10, самое большее 15 человек, а потом закрывал окно и уходил, оставляя рабочих ждать до следующего дня. На следующее утро та же картина наглого издевательства. На Феодосиевском прииске был становой Станукинас. Тот имел обычай задавать вопрос:

— Ты семейный или холостой?

— Холостой.

— Нам холостых не надо.

Тогда другие рабочие продвигались к окну и заявляли, что они семейные. Становой начинал допрашивать, молодая ли у него жена, красивая ли и т. д., доходя в своих издевательствах до крайних пределов цинизма, так что рабочие убегали без оглядки от окна».

Рабочий видел полную безвыходность своего положения и до поры до времени молчал. Итти к представителям власти или в суд с жалобами на притеснения, на вопиющие нарушения законов, контракта и пр. было не только бесполезно, но и не безопасно. Узнав о жалобе рабочего, представители приискового управления еще больше усиливали притеснения и издевательства, жалобщика выгоняли с работы, оставляя с семьей без всяких средств к существованию в далекой тайге, за 2 тыс. км от жилых мест (зимой, при сорокаградусных морозах, положение уволенного рабочего было совершенно безнадежным).

В докладной записке сенатору Манухину рабочие Александро-Невского прииска писали: «Нам некуда было итти жаловаться, всякий наш шаг известен администрации, и всякая жалоба может повести к наказаниям в том или другом виде. Безмолвно мы должны

были молчать [1] при всех нарушениях закона, не находя нигде защиты».

Как относились представители местной власти к жалобам рабочих, ясно видно из характеристики, которую дали рабочие приставу Галкину. «Пристав, подневольный человек. Участия от него никакого! **Если к нему с жалобой, то он сейчас тебя по этапу»** (из докладной записки чиновника особых поручений Оленича-Гнененко. Подчеркнуто мною. — **А. П.).**

Становой Станукинас самодовольно говорил рабочим: «Куда бы вы ни пошли жаловаться, вас обратно пошлют ко мне...»

Узнав про жалобу рабочего, он вызывал его к себе и, издеваясь, говорил: «Ты вчера про меня говорил то-то, за эти разговоры пойдешь в Дальнюю тайгу на Кулибряник (куда больше полутораста верст нужно было итти пешком и на себе нести все свои пожитки; таежная тропа вела через бурные речушки, которые нужно было переходить по пояс в воде в любое время года)» (из воспоминаний И. Кудрявцева).

«...Делами, связанными с хулиганством, пьянством и насилиями над женщинами, — читаем в этих воспоминаниях, — стражники совершенно не интересовались, несмотря на то, что на почве культивируемого на приисках пьянства сильно была развита поножовщина, разврат и насилия над женщинами.

Были случаи, когда женщины, попавшие в руки пьяным приискателям, иногда даже искалеченные ими, приходили к «Зубу» жаловаться и указывали фамилии обидчиков. «Зуб» лицемерно предлагал рассказать все подробности, где и как что было, а потом, ехидно улыбаясь, заявлял:

— У нас здесь дальняя тайга, свои законы, никаких мы расейских законов не признаем; на приисках в помещениях у нас закон существует самый настоящий, ну, еще существует закон на дороге, где ездят и ходят. А вот в пяти шагах от дороги, в тайге — там

[1] Так сказано в подлиннике.

никакого закона нет. А вас обидели в пятнадцати шагах от дороги, значит, там, где никаких законов нет. Идите домой и больше не попадайтесь.

Так кончался разговор обиженных женщин со становым «Зубом». Мужья обыкновенно не ходили жаловаться на обиды, нанесенные их женам. Если же кто-либо пытался это сделать, то становой выставлял его на посмешище прииску и на раскомандировке громогласно заявлял, что такой-то рабочий, Сидоров или Степанов, приходил вчера к нему жаловаться на таких-то хулиганов, а эти, мол, хулиганы—хорошие парни, ничего худого не делали, а только проводили его жену на Тихоно-Задонский прииск».

Белозеров не признавал никаких уступок рабочим. Уступки во время стачек, по его мнению, «развращали» рабочих и являлись причиной последующих волнений и новых забастовок. Он считал единственно приемлемым методом категорическое запрещение всяких (даже чисто экономических) стачек, кровавое подавление забастовок в случае их возникновения. Он не допускал никаких уступок стачечникам и требовал строжайших репрессий, особенно по отношению к «подстрекателям» и «сознательным забастовщикам». Если стачка не подавлялась вооруженной силой, Белозеров считал это слабостью местных властей.

В этом отношении чрезвычайно интересна докладная записка Белозерова правлению «Лензото» от 30 мая 1904 г. «...По моему мнению, — писал он, — источник всех последних волнений на приисках следует искать в порядках, установившихся на Андреевском прииске «Ко Промышленности» (в 1904 г. эти прииски еще не принадлежали «Лензото». — **А. П.**) после бывшей там в апреле этого года стачки, и в отношении к ней тамошнего промыслового управления, удовлетворившего все требования стачечников — до удаления нежелательных им служащих и признания за рабочими права контролировать действия смотрителей включительно... Такая преднамеренная уступчивость, несомненно, не могла не породить соответственных вожделений и в рабочих других приисков... Таким

образом, создается очень опасное положение. Если к этому прибавить полнейшую беспомощность и бессилие перед наступательными и вызывающими действиями стачечников по причине отсутствия какой бы то ни было военной силы на приисках, за исключением горно-полицейской стражи, жалкой по количеству и по составу, комплектуемому по большей части из неудачников всякого рода, то станет очевидной необходимость безотлагательного принятия самых энергичных мер к восстановлению спокойствия на приисках и созданию более благоприятных условий для желающих трудиться здесь. В этих видах прежде всего необходимо наложение на стачечников более серьезных взысканий, чем практиковавшееся до сих пор преследование их по 51-й статье Уст. о нак., нал. мир. суд., карающей виновных краткосрочным арестом. Такую меру нельзя не признать чересчур недостаточной по отношению к забастовщикам... Другой, стоящий на очереди и нуждающийся в возможно скором разрешении вопрос — это учреждение в г. Бодайбо постоянной воинской команды, достаточной по численности для прекращения возникающих на приисках беспорядков в самом их зародыше».

Такова была программа Белозерова по борьбе со стачками, мешавшими ему выжимать соки из рабочих. Эту программу он позже, во время столыпинщины, осуществил полностью.

Белозеров был чрезвычайно недоволен, когда отдельные конфликты с рабочими улаживали мирно.

Весьма интересный факт приводит сенатор Манухин в своем отчете. «...Прокурор суда Фасс, — писал Манухин, — в представленном донесении, между прочим, нашел, что, «благодаря спокойным и разумным мерам местного горного исправника, стачки (на Андреевском прииске «Ко Промышленности» и Феодосиевском прииске «Лензото» в 1904 г. — **А. П.**) были прекращаемы мирным путем, чем администрация приисков очень недовольна. Она требовала и требует мер строгих, и на Андреевском прииске администра-

ция, надеясь на то, что в рабочих будут стрелять, приготовила в больнице места для раненых и пригласила священника для напутствования умирающих, в случае такие бы оказались».

Так, еще в 1904 г. Белозеров и его шайка требовали кровавой бойни, осуществленной ими позже, в апреле 1912 г. Характерно, что и в 1912 г., накануне расстрела, администрация приисков настойчиво требовала кровопускания и точно так же заранее подготовила перевязочные средства, больницы для раненых и т. п.

Белозеров добился того, что Ленские прииски были включены в число предприятий «государственного значения», где даже экономические стачки были запрещены и карались по закону. Он добился того, что в г. Бодайбо была расквартирована «на всякий случай» воинская команда. Он добился того, что забастовщики Феодосиевского прииска были наказаны:

Все подлежавшие призыву на военную службу рабочие, принимавшие участие в забастовке (1904 г.), были отправлены на фронт. Белозеров завел для борьбы с забастовщиками специальные «черные книги», куда заносились фамилии рабочих, уволенных с приисков за участие в забастовках. О том же делались отметки в паспортах. Ни один из этих рабочих не мог больше поступить на работу на приски «Лензото».

Таков был режим, установленный Белозеровым на приисках «Ленского товарищества».

Рабочим этот режим принес колониальную эксплоатацию, рабское положение, самые утонченные издевательства и постепенное вымирание. Не одна сотня молодых, цветущих рабочих жизней и жизней детей рабочих была загублена каннибалами из «Ленского товарищества».

Зато капиталистам и акционерам «Лензото» этот режим принес многомиллионные прибыли и «эру процветания».

Белозеров и его шайка заслужили тысячи проклятий от рабочих и их семей.

Зато от капиталистов и акционеров «Лензото» Белозеров и его шайка получали благодарность за благодарностью. «Общее собрание, — читаем в протоколе заседания общего собрания акционеров «Лензото» от 23 сентября 1908 г., — единогласно постановило выразить главноуправляющему промыслами благодарность акционеров за блестящую постановку дела и предоставить в распоряжение правления до 10 тыс. руб. на предмет вознаграждения как приискового персонала, так и служащих при управлении за полезные их труды».

IV. Положение рабочих на приисках

Товарищ Сталин называл хищников из «Ленского товарищества» «ленскими людоедами». Это выражение полностью характеризовало систему жестокой эксплоатации на приисках рабочего и его семьи. Во главе «Лензото» и приисковой администрации действительно стояли настоящие людоеды, пожиравшие человеческие жизни и ковавшие из крови, пота и слез рабочих и их семей звонкий металл.

Страшная безработица, свирепствовавшая в царской России особенно сильно в начале XX века, гнала людей и в далекую тайгу, на с'едение хищным ленским людоедам. Архивы «Ленского золотопромышленного товарищества» находятся теперь в наших руках. Из них видно, с каким цинизмом ленские людоеды использовывали несчастье людей — безработицу и связанный с нею голод.

Приведем отдельные документы из переписки, относящейся к периоду забастовки на Андреевском и Феодосиевском рудниках в апреле — мае 1904 г.

«...Теперь мы положительно наводнены, — писал Белозерову директор-распорядитель «Лензото» барон Гинцбург (22 мая 1904 г.), — предложениями, поступающими с разных мест, особенно из Польского края и из Одессы, но есть и из других городов, из прибалтийских губерний, из окрестностей Петербурга, из Донецкого бассейна, даже из Закавказья. По одним уже

поступившим предложениям и заявлениям полицейских властей можно бы нанять свыше 2 тыс. человек, преимущественно землекопов или работавших уже в горном деле. Министерство предлагает снарядить специальные поезда; одним словом, успех получился сверх ожидания.

Воспользоваться содействием министерства нам кажется более чем желательным, и вот по каким соображениям:

1. Раз наемка на прииски является для известной части населения истым благодеянием, то **можно этим обстоятельством воспользоваться для того, чтобы понизить плату против существующей у нас теперь.** И пониженная плата представляется чем-то вроде Эльдорадо для **голодного народа.** На всякий случай мы сообщили полиции плату на 30% ниже существующей.

2. Мы не считаем, что есть какой-либо риск в том, чтобы нанялся лишний народ. **При излишке рабочих вам легче будет пред'являть к рабочим более строгие требования,** и опять-таки присутствие лишнего народа в тайге **может содействовать понижению платы,** какую цель следует всеми мерами и преследовать.

Одним словом, мы видим в теперешнем движении, созданном об'явлением департамента полиции, прекрасный случай положить конец тому тем более ненормальному положению, в котором находится рабочий вопрос на приисках» (подчеркнуто мною.—**А. П.**).

О том, как ловко пользовались ленские предприниматели безработицей, видно и из телеграмм правления «Лензото», посланных Белозерову во время стачки в апреле — мае 1904 г. в ответ на его требование принять суровые меры к забастовщикам.

«Сегодня,—читаем в телеграмме от 12 мая 1904 г.,—министры внутренних дел, финансов телеграфировали генерал-губернатору принять все зависящие меры пресечению беспорядков... Продолжают поступать многочисленные предложения рабочих... Министерство обещает содействие смысле льготного проезда, **почему**

не стесняйтесь удалением нежелательного элемента» (подчеркнуто мною. — **А. П.**).

На следующий день (13 мая) летит новая телеграмма: «Дополнение вчерашней срочной — здешние власти обещают принять самые крутые меры. Хлопочем предании зачинщиков суду. **Не соглашайтесь уступки, не останавливаясь пред расчетом хотя бы всей команды. Юге, Польше, разных местах России — страшная безработица, массами просятся прииски, имеем полную возможность нанять несколько тысяч за две трети платы»** (подчеркнуто мною. — **А. П.**).

Наличие страшной безработицы давало возможность ленским заправилам применять локауты, сокращать зарплату, удлинять рабочий день, держать рабочих в кабальной зависимости.

Правлению «Лензото» даже не пришлось воспользоваться тогда услугами министерства по льготной переброске на прииски рабочих с юга и из Польши. Этого не понадобилось. Каннибалам из «Ленского товарищества» удалось сорвать забастовку отправкой запасных на фронт. «Это, — писал Белозеров, — повидимому, произвело сильное впечатление на рабочих». А возможностью найма рабочих за две трети зарплаты Белозеров не соблазнился по той причине, что боялся получить вместе с новыми рабочими с юга и из Польши «заведомых забастовщиков», т. е. кадровых рабочих, имевших достаточный опыт стачечной борьбы. «Тамошние рабочие внесут большие смуты», — телеграфировал он правлению «Лензото» (25 мая 1904 г.). Белозеров предпочитал иметь дело с более патриархальным сибирским крестьянством. Из этой среды он и вербовал преимущественно рабочих на прииски.

После революции 1905—1907 гг., в годы столыпинской реакции, вопрос о вербовке для «Лензото» рабочих на стороне отпал совсем. Усиление безработицы в годы реакции и массовое разорение крестьянства в результате столыпинского аграрного законодательства привели к тому, что рабочие и крестьяне в поис-

ках работы огромными массами устремлялись в промышленные центры и на окраины. На свой собственный счет и риск направлялись они в Иркутск и дальше, через тайгу, на прииски. Ленские людоеды имели теперь полную возможность заявлять, что «голодного народу сколько угодно. Только выбирай». Это во много раз увеличивало возможность экономического нажима на рабочих по сравнению даже с 1904 г.

Как же «Ленское товарищество» выжимало дивиденды из рабочего и его семьи?

Рабочего, будь то законтрактованный (до революции 1905—1907 гг.) или пришедший на прииски самотеком (в годы столыпинской реакции), связывали по рукам и ногам кабальным договором. Договор был «типовой», единый, для всех рабочих. Подписывали его рабочие, в большинстве случаев даже не читая. Он давал все преимущества ленским хищникам, все отдавалось «на усмотрение Лензото». Рабочего же договор не только не ограждал от произвола, но как раз служил «законной» ширмой для любых издевательств администрации. Впрочем, даже этот «договор» ленская администрация безнаказанно нарушала на каждом шагу.

Технические условия труда на приисках были кошмарными. Все было подчинено задаче: «Сорвать с наименьшими затратами и уйти дальше». Поэтому на рудниках [1] все было примитивным, временным, ничего капитального. Все производство носило кустарный характер. «...На всех работах, — читаем мы в отчете И. Н. Горбунова, члена комиссии сенатора Манухина, — лежит печать какой-то недоделанности, незаконченности, примитивности. Все делается кое-как, начерно, — видно, что все работы рассчитаны на кратковременность, что вот-вот они станут ненужными и их не-

[1] На большинстве приисков «Лензото» золотоносный слой мощностью в 1 саж. залегал на глубине 7—20, а местами и 30 сажен под слоем пустой породы. Разработка его была возможна по большей части лишь путем устройства шахт.

обходимо будет бросить. Общая картина приисков поражает своей растрепанностью, хаотичностью и производит удручающее впечатление».

Бадьи с золотоносной породой поднимались из шахт деревянным воротом с конным приводом. Под'ем производился так, что постоянно угрожал увечьем не только работающим на приводе, но и тем, которые внизу нагружали и разгружали бадьи.

Для под'ема и спуска в шахту были установлены почти вертикально лестницы, так называемые стремянки, по которым рабочим приходилось подниматься и спускаться с инструментом. На перекладины лестниц налипала грязь, она промерзала, ноги то и дело скользили. Стволы шахт, где были установлены лестницы, зачастую не освещались совсем, или же освещались очень плохо (две лампочки на 17—18 сажен спуска). Тут же проходили обнаженные, не прикрепленные к стенам электрические провода. Рабочие задевали их. Все это приводило к частым срывам с лестниц или к выпадению из рук инструментов, наносивших ранения рабочим, спускавшимся ниже.

Штольни и штреки внутри шахты освещались плохо. Во многих местах они были так низки, что пройти можно было только согнувшись или ползком. Тут же вдоль штолен проходили ничем не огороженные канавы для стока воды. Откатка золотоносной породы происходила вручную, при помощи деревянных тачек на чугунном колесе. В тачку нагружалось по 7—8 пудов породы, три четверти которой фактически висело на руках у рабочего. Вследствие плохого освещения, неровностей и тряской дороги, нередко происходили столкновения тачек; зачастую рабочие падали вместе с тачкой в канаву с ледяной водой. Недостаточное крепление приводило к тому, что крепи в штреках прогибались, переламывались, иногда расщеплялись.

Не лучше было и в забоях. Освещались они стеариновыми свечами невысокого качества. На каждого рабочего на весь день выдавались только две свечи,

сгоравшие обычно до обеда, поэтому часть времени приходилось работать в темноте.

Еще хуже было в мокрых забоях, где все время дождем струилась вода — и сверху, и снизу, и с боков. Рабочий промокал в этих забоях до нитки, так как «Ленское товарищество», в целях экономии, не выдавало рабочим непромокаемой прозодежды.

Однако, самыми страшными видами работ, куда обыкновенно посылали рабочих в качестве наказания за «леность» или «грубость», были так называемые выморозки и работа в штрековых канавах. В штрековой канаве приходилось 8 часов подряд сидеть по пояс в ледяной воде, очищая ее от ила вручную. Выморозками назывались разнообразные работы на поверхности при сорокаградусном морозе, например, работа по сгребанию снега, возке воды и пр. (надо иметь в виду, что большинство рабочих «Лензото» совсем не имело теплой одежды).

При шахтах не было ни сушилок, ни раздевален, ни специальных помещений, где рабочий мог бы пообедать во время перерыва. На обед выгоняли из шахты, так что многим приходилось обедать под открытым небом на морозе в 40 градусов. Рабочие Александро-Невского прииска в докладной записке на имя сенатора Манухина писали: «В шахтах нет раздевалки, так что в зимнее время, при мокрых работах, рабочие в мокрой одежде идут по сорокаградусному морозу, причем вся одежда обледеневает; приходится часа полтора оттаиваться в казарме».

Шахты почти всегда были наполнены едким, раз'едающим глаза дымом от костров, которые разводились в самой шахте для оттаивания «вечной мерзлоты». Еще хуже были пары газов, образовывавшиеся от динамитных взрывов (динамит употреблялся весьма низкого качества). Вентиляция шахт отсутствовала.

Эти условия работы на производстве были чрезвычайно вредны для здоровья и опасны для жизни рабочих. Они быстро истощали и разрушали организм рабочего. Присутствие газов в шахте разрушительно действовало на дыхательные органы. Подавляющее

число рабочих страдало малокровием, одышкой и головными болями. Были случаи и прогрессивной атрофии спинного мозга, вследствие отравления динамитом, ибо рабочих заставляли скатывать динамитные запалы голыми руками. «Правда о Ленских событиях» указывает на одного из таких рабочих, который обратился к приехавшим в 1912 г. адвокатам за юридической помощью: этот молодой рабочий, 23 лет, представлял собой полную развалину и едва плелся на костылях. Даже во время присутствия сенатора Манухина на приисках был случай массового отравления, когда пострадало одновременно около 200 рабочих.

О количестве несчастных случаев говорят следующие цифры. За один только 1911 г. горным надзором было зарегистрировано 896 несчастных случаев на 5 442 рабочих, что составляет 16,5%. По данным самого «Лензото», из этого количества несчастных случаев — 7 окончились смертью, 1 — полной и 24 — частичной потерей трудоспособности. Однако, эти цифры чрезвычайно преуменьшены. Об этом говорят материалы, опубликованные в «Правде о Ленских событиях».

При обследовании технических условий труда на приисках даже комиссия сенатора Манухина вынуждена была признать их «сугубо вредными и прямо опасными для рабочих».

Белозеров всеми мерами стремился увеличить рабочий день. По договору с рабочими на 1911/12 г., рабочий день должен был продолжаться в зимнее время 11 часов и в летнее — 11½. Однако, целым рядом мер рабочий день фактически увеличивали еще на 2—3 и больше часов. Среди этих мер были и ничем не обоснованные требования выходить на работу раньше времени, и задержки после работы некоторых категорий рабочих, которые «обязаны» были закончить начатую ими работу, и сверхурочные работы, и работы в праздники, и обязательная работа в случае «стихийных бедствий» (затопление шахт и пр.). Вследствие непринятия своевременных технических мер, связанных

с затратами, «стихийные бедствия» бывали довольно часто.

Рабочие Александро-Невского прииска в докладной записке на имя сенатора Манухина писали: «...Благодаря требованию администрации, приходилось выходить на раскомандировку за час до свистка и раньше, так что мы находились уже в шахте или на работе во время первого свистка, между тем как по закону время спуска в шахты считается рабочим временем. При неявке на раскомандировку рабочие не допускались к работам, день писался льготным (т. е. прогулом. — **А. П.)** и заменялся праздничным днем с лишением полуторного вознаграждения. В праздники рабочие вызывались на работу принудительно, без всякого их спроса, подачей свистка. За невыход на работу в праздники бывали переводы из шахт на ледяные канавы. Сверхурочные работы (вечеровки) назначались без спроса рабочих, часто продолжались 2—3 часа в день, причем зачастую не оплачивались».

В договоры, которые Белозеров заставлял подписывать рабочих, включался кабальный пункт о «добровольном» якобы согласии рабочих на отказ от большинства праздников и воскресений. В течение всего года ленские людоеды оставляли рабочему в месяц только два дня отдыха. Впрочем, и эти два дня обязательством работать за мнимый «прогул», сверхурочными, срочными работами и пр. зачастую фактически отбирались у рабочего.

Заработная плата рабочих из года в год неуклонно понижалась. Систематически снижались как сдельные, так и поденные расценки. Об этом говорят цифры. Средняя поденная оплата для всех рабочих «Лензото» равнялась в 1908/09 г. 1 р. 98 к., в следующем, 1909/10 г. она снизилась до 1 р. 96 к., а еще через год, в 1910/11 г., она равнялась уже 1 р. 94 к. Эта оплата была значительно ниже обычной в данной местности зарплаты рабочего.

Однако, снижение реальной заработной платы рабочего на приисках «Лензото» шло не только и даже не столько по линии снижения расценок, сколько дру-

гими весьма разнообразными способами. Так, зарплата сдельных рабочих (а к этой группе принадлежала наиболее многочисленная группа горняков, добывавших в шахте золотоносную породу), понижалась следующим «оригинальным» способом. «На-глазок» было подсчитано, что забойщик может выработать в день 3 кубических аршина породы, причем всю выработанную породу забойщик должен был сам на тачках доставить к стволу шахты. За это рабочий получал 1 р. 50 к. В случае большей выработки полагалась прогрессивная надбавка. Несмотря на «подсчитанную» норму в 3 кубических аршина, обязательной выработкой считались не 3, а 4 кубических аршина. Если рабочий не вырабатывал всех 4 аршин, ему уплачивалась за все пониженная плата в 1 р. 45 к.

Выработать 4 кубических аршина было чрезвычайно трудно. Для этого нужны были особенно благоприятные условия. Но «Лензото» не принимало в расчет даже самые тяжелые условия труда. Оно давало одинаковую выработку как в твердых забоях, так и в мягких. Не принималось в расчет, что в одних местах нужно было предварительно оттаивать «вечную мерзлоту», в других попадались камни весом до четверти тонны, в третьих, в забоях с песчаной кровлей много времени отнимала необходимость поминутного крепления. Много времени уходило и на откатку (иногда на расстояние 40 сажен), связанную с постоянными заторами в узких проходах; иногда у ствола шахты перед бадьей скоплялось такое количество тачек, что рабочему приходилось по 15 минут и более ждать своей очереди. К тому же, сам забойщик обязан был ставить крепи и сам подтаскивать крепежный лес к забою (некоторые лиственичные крепи доходили весом до 13 пудов).

Естественно, что при таких условиях значительная часть рабочих не имела возможности выработать «свой урок» и получала пониженную против расценок оплату.

Снижали заработок рабочего и понижали производительность труда и частые переброски рабочих из

одного забоя в другой, с одной работы на другую. Ленские людоеды широко применяли по отношению к неугодным рабочим, в целях снижения их заработка, «право», оговоренное в кабальном договоре: «...нанявшихся по какой-либо специальности управление вправе ставить на общие работы, если окажется, что специальность эта таким лицам недостаточно хорошо известна». Под этим предлогом зачастую переводили высококвалифицированных и лучше оплачиваемых рабочих на худшие работы.

Но особенно понижали заработную плату рабочего неправильные замеры произведенной работы. Здесь произвол был полный. Вся система подсчетов была поставлена так, что рабочий никогда не мог проверить правильность расчетов с ним.

Все делалось в строгой тайне, табелей не существовало, расчетные книжки, как правило, на руки не выдавались.

Белозеров и его шайка всячески поощряли обмеры, дававшие колоссальные прибыли хозяевам. Кудрявцев в своих воспоминаниях приводит слова управляющего Феодосиевским прииском Самохвалова, который хвалился во всеуслышание: «Лучшего смотрителя, как Коробов, нам не найти. Хотя рабочие и зовут его «цирульником» — это правильно, он прекрасно брил и стриг рабочих. Несмотря на крепкий грунт и мокрые работы, 45-я шахта на заработную плату израсходовала на 55% денег меньше, чем другие шахты, а это значит, мы имеем дохода от 45-й шахты за два года 2 млн. золотых рублей только на одной заработной плате. Молодец «цирульник»! Мы ему дали 3 тыс. руб. награды и двухмесячный отпуск для поездки на курорт».

О том, как «брили», как обсчитывали рабочих ленские бандиты, можно судить по тому факту, что при подсчете разницы между действительно выработанной (и промытой) породой, с одной стороны, и записанной по книгам (и оплаченной) с другой, оказалось, что только за 1910/11 г. рабочим не было оплачено

около миллиона пудов выработанной золотоносной породы.

Был и еще ряд других способов понижения реальной зарплаты.

Рабочего заставляли, например, покупать за свой собственный счет инструменты.

Продовольственные продукты, которые рабочий вынужден был покупать в лавках «Лензото», ежегодно повышались в цене и были значительно дороже, чем у торговцев. Только за три года, с 1908 по 1911, цены на продукты в лавках «Лензото» поднялись на 15%.

Бесчисленные штрафы налагались на рабочих по малейшему поводу, а то и без всякого повода — просто для устрашения. § 16 «договора», который заставляли подписывать рабочего при найме, гласил: «Управление имеет право налагать на нас денежные взыскания в размере, обусловленном законом, т. е. каждый раз не свыше пяти рублей, по следующим поводам: а) за неисправную работу, б) за прогулы и в) за ослушание, грубость, пьянство и вообще за всякое нарушение порядка». Ленским хищникам всегда было легко подвести рабочего под одну из этих рубрик.

Даже метод выдачи зарплаты таил в себе возможность дополнительного грабежа. В «договоре» был следующий кабальный пункт: «Управление производит нам один раз в месяц, в назначенный им же день, в счет нашего заработка, сообразуясь с последним, отпуск необходимых нам товаров и припасов по ценам, утвержденным окружным инженером, а также выдачу деньгами в размере по усмотрению приискового управления. Тем же из нас, которые окажутся должны управлению, последнее может безусловно отказать в каком бы то ни было отпуске или выдаче. Полная доплата деньгами всей следуемой нам по расчету суммы должна производиться не ранее как по окончании срока этого договора».

Следовательно, рабочий не мог свободно распорядиться им же самим заработанными деньгами. Если

рабочий хотел отправить часть заработка семье в деревню, он должен был обивать пороги управления и выпрашивать деньги.

Большая часть заработка выдавалась на руки не деньгами, а особыми талонами, которые принимались только в приисковых лавках. Это лишало рабочего возможности покупать продукты на стороне и позволяло сбывать рабочим залежавшиеся в магазинах «Лензото» товары. Сдачи с талонов при покупке не давали. Поэтому рабочий вынужден был зачастую покупать товары, без которых он мог и обойтись. Рабочие жаловались, что продавцы в магазинах «всучивали» им, помимо их воли, например, такие вещи, как одеколон. Если нужны были деньги, им приходилось продавать свои талоны «с уступкой». Так талонная система таила в себе дополнительный способ понижения реальной зарплаты.

Трудно перечислить все способы понижения зарплаты рабочего, практиковавшиеся ленскими хищниками. Грабили рабочих буквально на каждом шагу. У рабочего, например, удерживали принудительно (оформив по «договору») по 2 р. 50 к., а с жен — по 1 р. 50 к. на содержание больницы для бесприютных приисковых рабочих.

В результате, от заработка почти ничего не оставалось. Ни о каких сбережениях у большинства рабочих не могло быть и речи. В «лучшем» случае оставались деньги лишь на то, чтобы кое-как, впроголодь, поддерживать свое существование. В особенно тяжелом положении находились семейные. Многие из них оставались в постоянном неоплатном долгу у «Лензото» и не могли скопить средств даже на обратный выезд с приисков. Эти рабочие находились в полной кабале у ленских хищников, вынуждены были безропотно сносить все издевательства и муки для того, чтобы не очутиться в еще худшем положении. Это было **настоящее долговое рабство.**

Не только на рабочего, но и на его семью наложили свою лапу людоеды из «Ленского товарищества». Рабочий обязан был при найме поставить свою под-

пись под следующим пунктом «договора»: «На прииски мы должны, нанявшись на работу, являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления, и, в последнем случае, пришедших с нами женщин и подростков обязуемся, по требованию управления, посылать на работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не вправе, в противном случае подлежат удалению с приисков. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска по предложению управления, управление вправе рассчитать рабочего, как нарушившего контракт».

Что означал на деле этот пункт «договора», видно хотя бы из жалобы жен рабочих, полученной инженером Тульчинским 24 марта 1912 г., т. е. накануне ленских событий. Жены рабочих, доведенные до отчаяния произволом и издевательствами со стороны администрации приисков, писали:

«1. Мало того, что «Ленское товарищество» обсчитывает, обвешивает, обмеривает и делает всякие несправедливости по отношению к нашим детям, мужьям, отцам. Ему, т. е. «Ленскому товариществу», понадобился наш труд в всевозможных формах и видах: нам приходится выполнять всякие работы, включительно с таскáнием тяжестей, а также и мужские работы.

2. Работать приходится более 12 часов, а также и ночные работы. Помимо нашего труда, от нас еще требуют и наше тело.

3. Когда мы не поддаемся, то нам не проводят рабочее время, выдворяют из казармы, штрафуют, мужьям нашим заявляют, чтобы они внушили нам слушаться, чтобы «проучили», а если нас мужья не проучивали, то их наказывали всевозможными лишениями.

4. Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях.

5. Выгоняли на работы плетьми, отрывая от грудных детей.

6. Грубое обращение, переходящее всякие границы нравственности. Об упомянутом имеем документы за подписями женщин».

Эти документы, а также целый ряд других, показания жен рабочих и заявления, опубликованные в «Правде о Ленских событиях», рисуют ужасающую картину издевательств над самыми элементарными правами человека, картину превращения женщины на приисках в «белую рабыню».

Женщины и подростки работали в тех же условиях, что и мужчины, но за свою работу женщины получали лишь три четверти оплаты мужчин, а подростки — от половины до одной трети.

Даже беременных женщин назначали на самые тяжелые работы. Вот показание Анастасии Р-ой (замужняя, 35 лет, имела троих детей). Она подробно описывает, как ее, беременную, заставляли таскать тяжелые камни для фундамента какой-то стройки. Она падала в изнеможении, но ее все-таки заставляли работать дальше. «Проработала я там, — заканчивает она свое показание, — всего два дня. Очень сильно захворала и скоро родила мертвого ребёнка». Подобные случаи были не единичными.

Неоднократно бывали случаи, когда жену назначали на другой прииск в прислуги к служащему. А муж оставался без жены, с маленькими детьми на руках.

Особенно тягостными для женщин были назначения на работу к холостым служащим. «Обыкновенно,—читаем в заявлении рабочих Феодосиевского прииска, — жен рабочих назначали так: приедет обходный в казармы, заявляет, — ты, говорит, такая-то, иди туда-то. Это он делал по просьбе служащих, которые просили станового, чтобы он назначил к ним красивую бабу для домашних услуг, и обходный выполнял по приказанию станового эту обязанность. Назначенная женщина, зная, что ей там будет, просит обходного, чтобы он послал другую женщину, высказывает причины, почему ей нельзя итти на работу, — обходный и знать не хочет, говорит, что мужа ее назначат

к расчету. Боясь этого, женщина со слезами идет на назначенную работу, чтобы мужа не рассчитали».

Во время приездов Белозерова из Петербурга на прииски устраивались настоящие оргии. «...Сгонялись красивые женщины и девушки из рабочих семей, — пишет И. Кудрявцев в своих воспоминаниях. — Отказаться от этого наряда никто не имел права. Ни одно такое белозеровское торжество не обходилось без насилия над женщиной или девушкой, которых сгоняли туда со всех приисков. Это был белозеровский закон — право рабовладельцев, феодальное «право первой ночи». Горе протестовавшему: муж или отец попадал в черные списки и больше нигде не мог найти работу на Ленских приисках».

Жилищные и бытовые условия рабочих Ленских приисков были кошмарными. Комиссия сенатора Манухина вынуждена была признать, что из 103 казарм, в которых помещались рабочие, 88 совершенно не пригодны для жилья. «Существующие казармы, — читаем в отчете И. Н. Горбунова, одного из членов комиссии сенатора Манухина, — в большинстве в таком состоянии, что угрожают не только здоровью, но и жизни рабочих, а потому подлежат уничтожению. Стоимость их амортизована». В казармах жили скученно, спали на нарах и на полу вповалку — семейные вместе с холостыми. «Положение детей в казармах поистине ужасно», — читаем в сенаторском отчете.

Этот же отчет так описывает казармы:

«Стены светятся насквозь, стекла в рамах полопались, а с потолков сыплется земля; в защиту от нее из кусков миткаля и ситца устроены висячие вторые потолки. Зимой так холодно, что мокрые сапоги примерзают к полу, рабочие вынуждены спать в шапках ввиду того, что изголовья нар приходятся у промерзающих стен. Любопытен истинно «таежный» способ защиты стен от продувания их ветром. Зимой на стены снаружи набрасывается снег, его сбрызгивают водой, получается ледяная кора, защищающая внутреннее помещение от холодного ветра».

Посреди казармы находился очаг — плита, на ко-

торой рабочие готовили себе пищу и кипятили чай. Здесь же над плитой «на полках наставлены намокшие валенки, повешены штаны, куртки, — словом, весь гардероб рабочего. Зимой испарения наполняют все помещения, как это бывает в банях» (из того же сенаторского отчета). Зато летом в казармах была невыносимая жара.

Некоторые из казарм были отведены наполовину под конюшни. Жидкий навоз из конюшен протекал в рабочее жилье.

О том, какие «продукты» отпускались рабочим ленскими людоедами, повествует докладная записка рабочих Александро-Невского прииска сенатору Манухину: «Провизия доставлялась недоброкачественная, мясо часто доставлялось несвежее, черное, обрезки с нарывами; рабочие на это указывали служащим, выдававшим мясо, но те говорили: «Не хочешь — уходи без мяса», и книжки обратно выбрасывали. При этом заставляли брать «в очередь» коровьи головы, вынув из них язык, а иногда и мозги, оставив одни челюсти [1]. Бывали случаи, что давалось конское мясо... что удостоверено протоколом урядника. Хлеб нам давали из непросеянной муки, с различными примесями (мочалой, щепками, соломой и другими посторонними предметами) [2]. Капуста давалась в малом количестве... Картошка была у нас тоже в редкость, причем низкого качества. Рыбу давали невозможную, она сырая была похожа на вареную».

И эта, с позволения сказать, «провизия» отпускалась по повышенным ценам. За ней рабочий вынужден был часами простаивать в очереди, ибо впереди него, без всякой очереди, лучшие части продуктов отпускались приисковой администрации и служащим.

За недостатком овощей рабочие и их семьи поголовно болели цынгой. Медицинская помощь на при-

---

[1] Сохранен, как и всюду в приводимых документах, стиль подлинника.

[2] Другие документы указывают, что в числе посторонних примесей к хлебу нередко попадались и такие «подарки», как конский кал, запеченные мыши и пр.

исках почти отсутствовала. Напрасно окружной инженер Александров сообщал правлению «Лензото» (телеграмма 14 февраля 1912 г.): «Тихоновская больница переполнена, среди рабочих лесных подрядчиков «Лензото» цынга, лечить их негде. Прошу немедленно сделать соответственные распоряжения». Вместо принятия «соответственных» мер, правление продолжало свою тяжбу с иркутским горнозаводским присутствием, которое требовало увеличения количества врачей на приисках.

«Лензото» нажимало в Петербурге все педали для того, чтобы добиться изменения для «Ленского товарищества» законоположений об обязательном количестве врачей на приисках[1].

Барон Гинцбург писал правлению «Лензото»: «Требование присутствия в приисковом районе врачей в количестве, требуемом иркутским присутствием, равносильно обречению части их на безбожное бездельe и создает двойственную несправедливость, **налагая, с одной стороны, на товарищество лишнее, ничем не оправдываемое бремя** и отвлекая в приисковый район, где им делать нечего, врачей, которых вовсе лишены огромные пространства империи, особенно Сибири» (подчеркнуто мною. — **А. П.**).

Так писали ленские бандиты в то время, когда в действительности «нехватало коек, лекарств, и врачей было мало, больных часто выписывали до выздоровления по недостатку места» (из докладной записки рабочих Александро-Невского прииска). Так писали они в то время, когда смертность, особенно среди детей, вследствие недостаточности медицинской помощи, достигала на приисках колоссальных размеров.

Нечего и говорить, что на приисках не было ни школ, ни клубов, ни читален, ни кино. Зато процветало и культивировалось хулиганство, разврат, поножовщина...

---

[1] См. письмо зам. главноуправляющего Ленскими приисками Теппана Белозерову от 31 января 1911 г.

Так жили рабочие и их семьи на Ленских золотых приисках. Смерть косила людей беспощадно.

В этой ужасной картине отразилось бесправие, дикий гнет, эксплоатация рабочего класса всей царской России. Это было подлинное лицо всего столыпинского режима — одной из самых мрачных страниц русской истории.

V. Забастовка на Лене

«Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ. Стала исчезать усталость рабочих, навеянная в первые годы поражения революции. Рабочие вновь стали подыматься на борьбу. Предвидение большевиков о неизбежности нового революционного под'ема оказалось правильным» [1].

Первые признаки этого нового под'ема рабочего движения в России относятся, примерно к лету 1910 г. «И вот, — писал Ленин в 1910 г., — с лета текущего года начинается опять под'ем. Число экономических стачечников **возрастает** и возрастает очень сильно. Полоса **полного** господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового под'ема» [2].

Однако, 1910 год был только первой ступенью начинавшегося оживления в рабочем движении. Стачечная волна только начинает нарастать, забастовки носят еще, преимущественно, экономический оборонительный характер. «Года два назад, — писал товарищ Сталин в «Звезде» в апреле 1912 года, — рабочие еще пробовали сопротивляться все возраставшим нападениям ненасытных хозяев. Стачки обороны, а местами и наступательные забастовки — вот в чем выражалось оживление движения. Это была первая ступенька» [3].

---

[1] «История ВКП(б)», стр. 140.

[2] **Ленин,** т. XIV, стр. 392.

[3] **Сталин,** Новая полоса. Сб. Ленин и Сталин — «О ленских событиях», стр. 16, Госполитиздат, 1938 г.

С 1911 г. забастовочное движение поднимается быстро в гору. Количество стачечников в этом году превышает 100 тыс. человек, тогда как в предыдущие годы оно составляло всего 50—60 тыс. Однако, забастовки все еще носят по преимуществу экономический характер. Вместе с тем, они поднимаются на новую ступень: это уже по большей части не оборонительные, а наступательные экономические забастовки.

Начавшееся оживление в рабочем движении поднимается в этот период на вторую ступеньку. «Года полтора назад, — писал товарищ Сталин в той же статье, — рабочие переходят к наступательным забастовкам. Выставляются новые экономические требования, добиваются условий 1905—1906 годов, отобранных у рабочих за время контрреволюционного разгула. Это была вторая ступенька» [1].

Таким образом, 1910—1911 гг. были только началом оживления в рабочем движении. Появились первые признаки нового под'ема, которые характеризовались оборонительными и наступательными **экономическими** забастовками.

Пражская конференция в январе 1912 г. отметила эти первые признаки нового под'ема рабочего движения (см. резолюцию «О современном моменте и задачах партии») и поставила перед партией, в связи с этим ряд конкретных практических задач, направленных к «всесторонней поддержке начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии» [2].

В начале 1912 г. волна экономических забастовок докатилась и до Ленских золотых приисков. Наступил конец терпению рабочих и на далекой Лене.

29 февраля 1912 г. рабочие Андреевского прииска [3] об'явили забастовку. Непосредственным поводом к забастовке послужил сравнительно незначительный обыч-

---

[1] **Сталин,** Новая полоса. Сб. Ленин и Сталин — «О ленских событиях», стр. 16, Госполитиздат, 1938 г.

[2] См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 201, Партиздат, 1933 г.

[3] Этот прииск, как известно, бастовал и в 1904 г.

ный на приисках факт: рабочему Быкову была выдана в приисковой лавке, вместо говяжьего мяса, конина весьма низкого качества (среди этого «мяса» был обнаружен половой орган).

Хотя и раньше рабочие неоднократно получали подобную «провизию» из лавок «Товарищества» и молчаливо сносили во сто крат худшие издевательства, однако теперь эта капля переполнила чашу терпения. Рабочие бросили работу и заявили, что не выйдут на работу до тех пор, пока не будет отстранен от должности кухонный староста, выдавший Быкову негодную «провизию». Требование было очень скромным. Однако, заместитель главноуправляющего Теппан (Белозеров в это время был в Петербурге) нагло заявил, что рабочие не имеют права требовать удаления служащих и что рабочим выдается мясо «исключительно скотское» и притом «первого сорта». Теппан предложил рабочим немедленно приступить к работе.

Это решило все. Случай с рабочим Быковым, получившим негодное «мясо», сразу отошел на второй план. Во весь рост встало общее положение рабочих на приисках. Сразу вылились наружу все притеснения, все издевательства, вся дикая эксплоатация, весь произвол, который творили ленские людоеды над рабочими и их семьями.

Рабочие Андреевского прииска не только не прекратили забастовки, но к ним, как по сигналу, немедленно начали присоединяться рабочие и других приисков. В тот же день, после обеда, забастовали прииски Утесистый и Прокопьевский; на следующий день (1 марта) — Васильевский, электростанция и мастерские Надеждинского прииска, затем Варваринский, Нововасильевский, Липаевский, Нижний... 3 марта забастовали Александровский, Надеждинский, Феодосиевский, Пророко-Ильинский и другие прииски. Как только до прииска долетала весть о забастовке, рабочие немедленно бросали работу. Единодушие было поразительное. Последними забастовали рабочие Дальней тайги (Тихоно-Задонской, Ивановской, Светлый, Кулибряник), куда весть о забастовке докатилась лишь

13 марта (расстояние от Надеждинского прииска до Дальней тайги — около 300 *км* по занесенным снегом тропам).

Так началась всеобщая забастовка на приисках «Лензото». Всего забастовало 6 — 8 тыс. рабочих. Это была мирная экономическая забастовка[1]. Рабочие выставили самые минимальные экономические требования, без удовлетворения которых невозможно человеческое существование. Рабочие приисков, в большинстве своем недавние крестьяне, еще наивно верили в возможность мирным, «законным» путем добиться каких-либо улучшений, заставить ленских хищников соблюдать ими же заключенный договор. После об'явления забастовки рабочие неоднократно обращались в царский суд, в горный департамент в Петербург, к иркутскому губернатору, к окружным инженерам. Они просили прислать на прииски следственную комиссию для расследования действий «Лензото».

В одном из заявлений на имя окружного инженера Тульчинского, в ответ на незаконные действия полиции, рабочие Андреевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков писали: «...Работу мы прекратили по вине управления «Ленского золотопромышленного товарищества», которое нарушило наш договор и об'явило нас рассчитанными, прервав с нами всякие сношения. Нарушения эти признали и вы. Вновь поступать на старых условиях не желаем, **а свое право будем искать по суду».** И дальше: **«Вас просим, внемлите нашему гласу:** «Глас народа — глас божий» (подчеркнуто мною. — **А. П.**).

Даже царские приспешники: иркутский губернатор Бантыш, сенатор Манухин и др., вынуждены были признать, что забастовка на Ленских приисках была мирной экономической забастовкой, что «нельзя не согласиться с закономерностью некоторых претензий» рабочих[2]. Уже после расстрела горный департамент вы-

[1] См. **Сталин,** Они хорошо работают... Сб. Ленин и Сталин — «О ленских событиях», стр. 19, Госполитиздат, 1938 г.

[2] Из телеграммы иркутского губернатора Бантыша в департамент полиции от 14 марта 1912 г.

нужден был в своем отношении правлению «Лензото» от 16 апреля 1912 г. признать наличие на приисках «Ленского товарищества» 17 «нарушений закона и изданных в развитие его постановлений». 17 нарушений даже царских, весьма куцых для рабочего законов!

Сразу же после об'явления забастовки начались митинги на отдельных приисках и собрания по казармам. Были избраны приисковые стачечные комитеты, Центральный стачечный комитет и по 1—2 старосты на каждую казарму. Одновременно рабочие приступили к выработке требований, которые должны были быть пред'явлены ленским хищникам. Эти требования были приняты 4 марта на общем собрании рабочих семи основных приисков.

Требования в основном сводились к следующему:

1. Восьмичасовой рабочий день, в предпраздничные дни — 7 часов.

2. Работа в воскресные дни и двунадесятые праздники необязательна. Если рабочие согласятся работать в эти дни, то работа должна продолжаться только 7 часов и оплачивается в полуторном размере.

3. Сверхурочные работы должны производиться по соглашению и оплачиваться в повышенном размере: первые два часа — в полуторном размере, все последующие — в двойном.

4. Увеличение зарплаты на 30%.

5. Отмена штрафов.

6. Рабочие, посланные для работы на отдаленные прииски, должны оплачиваться в полуторном размере.

7. Оплата заработка должна производиться полностью ежемесячно, под личную расписку рабочего.

8. Вывешивание табеля с указанием ежедневной выработки рабочего, а также выдача ежедневно на руки рабочему специальных ярлыков с указанием его выработки.

9. Увольнение рабочих только с согласия рабочей комиссии, полное запрещение увольнений в зимнее время.

10. Отмена принудительного труда женщин.

11. Посылка на работу исключительно согласно профессии, на которую нанялся рабочий.

12. Установление для горнорабочих очередной сменяемости работ.

13. При увольнении рабочего обеспечение бесплатного проезда с семьей до Жиганова (откуда можно пароходом проехать до Иркутска).

14. Расширение квартир — в них должно быть достаточно воздуха.

15. Устройство прачечных и сушилок.

16. Выдача рабочим продовольствия наравне со служащими.

17. Выдача продуктов в присутствии уполномоченных от рабочих.

18. Улучшение выпечки хлеба.

19. Улучшение медицинского обслуживания.

20. Дни болезни рабочего по вине «Лензото» должны оплачиваться полностью.

21. Вежливое обращение.

22. Увольнение 27 лиц из администрации.

23. Все время забастовки должно оплачиваться, как рабочее время.

24. Во время забастовки продовольствие должно выдаваться, как в обычное время.

25. За время забастовки никто из рабочих не должен пострадать.

26. Гарантия неприкосновенности выборным от рабочих.

27. Предоставление делегатам от рабочих бесплатного проезда по железной дороге и на лошадях (на время забастовки, для ведения переговоров).

28. Предоставление для выборных на время забастовки помещения.

Кроме того, было принято еще несколько более мелких требований.

На этом же собрании постановили: «Прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих».

Однако, правление и слышать не хотело об уступках. В тот же день, 4 марта, «Лензото» телеграфирова-

ло из Петербурга: «Сговорившись с Белозеровым, решили согласиться осветить середину казарм и проходы за счет дела. Никого из забастовавших не рассчитывать не только до лета, но и до срока контракта, если станут на работу вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора. **Остальные требования отклоняем.** Если команда не примет этих условий, не станет на работу вторник, то произведите полный расчет, прекратите водоотливы».

Так ответили ленские хищники на законнейшие требования рабочих. Это было, по существу, издевательством: отклонить все требования, за исключением одного — мельчайшего... осветить середину и проходы казарм! Ясно, что ленские заправилы рассчитывали сломить сопротивление рабочих иными средствами...

Действительно, администрация, совместно с царскими разбойниками, принялась немедленно за «дело». Были пущены в ход излюбленные методы устрашения рабочих. «Лучше потерплю один миллион убытку, чем уступлю рабочим», — заявлял директор-распорядитель «Лензото» барон Гинцбург.

Для того чтобы не дать рабочим сорганизоваться, по всем дорогам были немедленно выставлены полицейские пикеты. Эти пикеты задерживали всех «подозрительных». Так, был арестован один из членов Центрального стачечного комитета, большевик Украинцев, посланный для руководства забастовкой в Среднюю и Дальнюю тайгу (он просидел под арестом почти два года).

Иркутским губернатором было отдано распоряжение «начать дознание стачечного комитета». На приисках начались обыски и аресты. В район приисков стягивались войска. Уже 7 марта министр торговли и промышленности Тимашев (он был, как известно, акционером «Лензото») телеграфировал командующему войсками Иркутского округа: «Не признаете ли возможным озаботиться усилением воинской команды в районе приисков товарищества».

8 марта окружной инженер Александров и горный исправник Галкин шлют телеграмму иркутскому губер-

натору: «...Находим необходимым немедленную присылку прииска Киренска роты, а крайнем случае не менее ста солдат... Расходы по перевозке и содержанию солдат «Лензото» принимает свой счет».

Рабочим об'является полный расчет. Мировым судьям пред'являются иски о выселении уволенных рабочих из казарм. Ленская администрация пытается взять рабочих измором. Грозит прекратить выдачу продуктов, а пока что урезывает норму, женщинам же и детям совсем прекращает выдачу, так же как и тем рабочим, которые остались в долгу у «Лензото».

Всеми мерами: и угрозами, и уговорами, и обещаниями, пытались администрация приисков и царские власти сорвать забастовку. 14 марта иркутский губернатор телеграфировал витимскому исправнику: «Предложите рабочим моего имени немедленно стать на работу, причем я гарантирую им немедленное рассмотрение в горнозаводском присутствии возбужденных ими вопросов по освещении их Тульчинским».

Но совершенно неожиданно для себя хищники натолкнулись на удивительную стойкость и организованность рабочих. Никакие угрозы, никакие обещания не помогли. Рабочие твердо сказали, что нести ярмо больше не будут. «Вновь поступать на старых условиях не желаем...», — писали в своем заявлении рабочие Андреевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков. «Пусть «Лензото» заставляет работать своих холопов... мы же не пойдем на работы», — писал в листовке Центральный стачечный комитет.

Окружные инженеры Олекминского и Витимского горных округов Александров и Тульчинский вынуждены были признать, что виновной в нарушении договора стороной являлось «Ленское товарищество». Отсюда рабочие сделали вывод, что раз «Лензото» виновато в нарушении договора, то они вполне законно (на основании договора) имеют право не выходить на работу, пред'являть «Лензото» свои условия для возобновления работ, а в случае отказа «Товарищества» — требовать оплаты за все время до окончания контракта.

Рабочие именно этого и требовали: либо полностью

удовлетворить вышеприведенные требования, либо произвести расчет по 10 сентября (срок окончания контракта), как за рабочие дни, и вывезти их с приисков до железной дороги. 20 марта рабочие телеграфировали в Петербург, в горный департамент: «Следствие не производится, отказывают продовольствии, возможно выдворят из квартир. Жилого места вблизи нет, просим вывезти нас до железной дороги, произвести расчет до 10 сентября, как за рабочие дни, ибо контракт нарушен «Лензото». Имеем данные. Ждем ответ 8 тыс. рабочих». Но никакого ответа не последовало...

Рабочие были твердо убеждены, что даже по царским законам они правы. Поэтому они не соглашались ни на какие компромиссы. Окружной инженер Александров и горный исправник Галкин телеграфировали 12 марта иркутскому губернатору: «Меры убеждения не действуют, их стачка хорошо организована, дисциплина твердая... Рабочие строго наблюдают за собой, дабы не был нарушен порядок».

И действительно, организованность и дисциплина среди стачечников были исключительно высокими. Многие из очевидцев в своих воспоминаниях высказывают удивление, как это могла такая масса неорганизованных людей в столь короткий срок добиться такой организованности. Полностью исчезли пьянки, поножовщина, скандалы. Всюду воцарилась полная дисциплина, товарищеская спайка, организованность.

Бывш. член стачечного комитета М. Лебедев в своих воспоминаниях писал: «...Организованность и дисциплина, обнаруженные рабочими в ходе стачки, меня поразили. Ни одного эксцесса, ни одного вызывающего действия со стороны приискателей в отношении враждебного лагеря я не наблюдал. Наоборот, сразу же стали происходить изумительные вещи, которым могли бы позавидовать и наиболее дисциплинированные рабочие организации культурных центров. Водка сразу из'ята из обращения. Решение о запрете продажи распития спиртных напитков и об уничтожении всех запасов их по «номерам» (баракам) было вынесе-

но ЦБ[1] уже на втором его заседании. Проведение в жизнь этого постановления было поручено старостам, которые не встретили никаких протестов со стороны самых от'явленных алкоголиков и, наоборот, всюду опирались на активное содействие самих рабочих. Точно так же на том же заседании ЦБ было вынесено и решение запретить играть в карты, а также в другие азартные игры, вообще во все, что так или иначе могло способствовать выходу из выдержанного, спокойного состояния масс. Все эти распоряжения ЦБ свято, нерушимо, от начала и до конца стачки, проводились в жизнь. «Депутаты не велели» — было законом, не возбуждающим абсолютно никаких сомнений. И тысячи людей повиновались, как один человек».

Не допуская никаких эксцессов и произвольных выступлений, чтобы не дать себя спровоцировать, рабочие держались с достоинством и достаточно твердо по отношению к предпринимателям и царским прислужникам. С об'явлением забастовки была немедленно снята у администрации и служащих вся прислуга, состоящая из жен и дочерей рабочих; рабочими останавливались и осматривались поезда, уходящие с приисков в Бодайбо, для того чтобы не допустить увоза арестованных. Полиция на собрания рабочих не допускалась. Г. Черепахин, бывш. заместитель председателя Центрального стачечного комитета (позже председатель), в своих воспоминаниях приводит интересный случай удаления одного из урядников с собрания рабочих:

«Во время обсуждения наших требований с делегатами всех приисков, членами стачечных комитетов и старостами, — пишет он, — в Народный дом явился урядник Тихонов, протиснулся через толпу, подошел к сцене и потребовал немедленно оставить помещение Народного дома. Я внес предложение: кто за то, чтобы удалить отсюда урядника Тихонова или удалиться нам. Начали голосовать; было проголосовано предло-

[1] Центральное бюро — так называли на Ленских приисках Центральный стачечный комитет.

жение Тихонова: «Кто за то, чтобы мы освободили помещение?» Раздался общий хохот. «Кто за то, чтобы удалить Тихонова из помещения Народного дома?» Голосовали единогласно и потребовали от него немедленно оставить зал. Он попытался что-то сказать, но ему вторично было поставлено требование немедленно покинуть зал, и он вышел».

Во время забастовки рабочими было проявлено довольно высокое классовое чутье. В уже цитированном нами заявлении рабочих Андреевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков можно прочесть строки, посвященные «нашим охранителям», как иронически называли рабочие полицию: «Мы просим нас не охранять, так как мы сами себя охраняем и посторонним не доверяем». В воззвании Центрального стачечного комитета рабочие дали удивительно точную характеристику окружному инженеру Тульчинскому: «Тульчинский, — читаем в этом воззвании, — с пеной на губах кричит, что он сторонник рабочих, а мы ему не верим. Знаем, что тоже меняет свою шкуру по сезону»[1].

Классовое самосознание рабочих во время забастовки проявлялось во всем: и в широко поставленной взаимопомощи между рабочими, и в твердом решении не дать в обиду своих уполномоченных. По ночам выставлялись специальные рабочие пикеты для предупреждения уполномоченных на случай обысков и арестов. Приняты были все меры к предотвращению провокационных действий со стороны администрации.

Рабочие понимали, что ленские хищники ждут малейшего повода для расправы с ними за забастовку.

---

[1] Рабочие чутьем распознали Тульчинского. Известно, что Тульчинский был впоследствии (только в 1938 г.) разоблачен как злейший провокатор. Видимо, по заданию охранки он прикидывался «защитником» интересов рабочих, чтобы втереться в доверие к ним и предавать их. Так, в целях срыва забастовки, он связался с некоторыми членами стачечного комитета — меньшевиками (и, действительно, чуть не сорвал забастовку). Позже, после расстрела, Тульчинский вместе с Трещенковым подписал телеграмму, обвинявшую во всем рабочих и оправдывавшую Трещенкова.

Такого повода пока не было: рабочие вели себя мирно, требования их были вполне обоснованны, они бережно относились к приисковому имуществу и несмотря на забастовку, даже не сняли рабочих, в таких, например, местах, как водоотливы, чтобы не затопило шахты. Это было сделано для того, чтобы не дать повода хищникам обвинить рабочих в материальном ущербе, приносимом забастовкой. Если бы удалось «доказать», что рабочие наносят материальный ущерб «Товариществу», забастовка была бы подавлена вооруженной силой.

Поэтому хищники стали на путь провокаций. Рабочими было обнаружено несколько случаев, когда служащие «Лензото» пытались ночью произвести поломки машин, чтобы затем обвинить в этом рабочих. Тогда рабочие установили на всех приисках специальную охрану... от администрации: охранялись шахты, водоотливы, продуктовые и динамитные склады и пр.

В ответ на уговоры стать на работу, обращаемые к отдельным рабочим (полиция и служащие «Лензото» ходили по казармам и обращались к каждому рабочему с вопросом, почему он не идет на работу), бастующие единодушно и уклончиво отвечали: «Я бы и пошел на работу, да вот остальные не идут». В ответ на попытки «Лензото» взять рабочих измором рабочие отвечали прекрасно поставленной взаимопомощью: собирали между собой продукты и деньги для поддержки малообеспеченных рабочих, главным образом семейных.

В ответ на об'явленный расчет рабочие деньги получали, а от оформления расчета отказывались. «Администрация, — читаем в показаниях рабочего Кузнецова, — об'явила рабочим получать деньги, кому причиталось по расчетной книжке, в расчетных книжках написали: расчетом доволен, протензий никаких не имею, деньги получил сполна и в том подписуюсь. Рабочие поглядели на книжки, деньги получили, а от подписи отказались...» Несмотря на грозные об'явления с предложением получить расчет, либо стать на работу, несмотря на угрозы привлекать забастовщи-

ков к ответственности, выселять из квартир, лишать продовольствия, рабочие не сдавались. В ответ на попытку администрации начать выселение рабочих пачками (причем первые 7 рабочих по приговору «золотого судьи» Хитуна были выселены при помощи солдат) рабочие устроили митинг, на котором постановили: «Если уж выселять, так всех сразу». Таким образом, и этот маневр не прошел.

Ленские предприниматели терялись, не зная, что делать. Для того чтобы подготовить расправу с наиболее упорными, они попытались расколоть бастующих, об'явив маловажные уступки. 7 марта на приисках расклеили об'явление, в котором сообщалось, что «Лензото» из'явило согласие «принять часть требований»[1]. Это были наименее важные требования. Некоторые принимались в таком урезанном виде, что от них ничего не оставалось. Так, требование об отмене принудительного труда женщин принималось в таком виде: «Женщин не будут наряжать на работы принудительно, последнее будет делаться только в случае недостатка желающих». В этом же об'явлении было сказано: «Остальные требования забастовавших рабочих, как чрезмерные и незаконные, «Ленское товарищество» отклоняет и от дальнейших переговоров с выборными отказывается».

Но и это не помогло. Фронт бастующих не поколебался.

Растерянность хищников была полная. Вот что писал, например, зам. главноуправляющего Теппан в своей телеграмме «Лензото» от 11 марта 1912 г. после того, как было грозно об'явлено, что если к 10 марта рабочие не выйдут на работу, то к ним будут применены драконовы меры: «11 марта рабочие не выйдут на работу, — телеграфировал он. — За расчетом не идут, хотя им было об'явлено, что расчет, паспорта 10 мар-

[1] Принимались требования рабочих, отмеченные у нас выше под номерами 8, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 21, и три требования принимались с большими оговорками или в туманной, расплывчатой форме: это пункты 9, 10 и 14.

та будут посланы горному исправнику. Выдачу припасов производить тоже должны будем. Горный исправник сообщил мне, не находит возможным прекратить выдачу припасов неимением у него средств для охраны приисков, лавок, амбаров, магазинов...»

Тот же Теппан в своем письме от 21 марта писал: «...Этой мерой (т. е. необходимостью выдавать продукты даже рабочим — должникам «Лензото». — **А. П.**) окончательно предрешена бесконечность забастовки».

Полная растерянность царила среди административных и полицейских властей. Это явствует из телеграммы иркутского губернатора Бантыша на имя горного исправника Галкина: «...Вы действительно растерялись и перестали давать себе отчет в своих действиях. Возлагая на вас ответственность за беспорядки, могущие произойти благодаря неисполнению моих распоряжений, предлагаю вам впредь беспрекословно и незамедлительно исполнять мои распоряжения. Начальнику бодайбинского гарнизона сегодня телеграфно штабом будут даны соответствующие инструкции оказания вам содействия, почему вы имеете в точности исполнять требования следователя относительно обысков и арестов, производимых по его указанию следственном порядке. Предупреждаю вас, что имеющиеся в вашем распоряжении военно-полицейские силы более чем достаточны для охранения общественного порядка вверенного вам района. Если подтвердятся телеграммы Теппана и Иванова, я предам вас суду за бездействие власти и за упорное неисполнение моих распоряжений».

Именно эта боязнь «могущих произойти беспорядков» на приисках (весьма отдаленных, с незначительным количеством военно-полицейских сил) удерживала вначале ленских администраторов и царских разбойников от полного прекращения продовольственных выдач рабочим, массового выселения из казарм и пр. Именно боязнью расправы рабочих об'ясняется и тот факт, что тотчас же после об'явления всеобщей забастовки наиболее ненавистные рабочим служащие (например становой Станукинас, обходный Бармин и др.

в числе 10—15 человек) поспешили сбежать с приисков.

Удивительная стойкость рабочих, организованность, дисциплинированность их об'ясняются прежде всего тем, что рабочими во время забастовки руководили работавшие на приисках большевики-ссыльнопоселенцы.

Руководство движением все время принадлежало большевикам. Большевиками были все три председателя Центрального стачечного комитета на приисках (в течение 6 месяцев забастовки они сменялись последовательно: сначала Баташев, затем Черепахин и, наконец, Петухов), и оба заместителя председателя Центрального стачкома — Черепахин (позже стал председателем) и Зелионко. Большевиками были и многие члены Центрального стачкома: Украинцев, Подзаходников и др., а также члены приисковых стачечных комитетов.

Баташев работал слесарем на электростанции Надеждинского прииска. Он был сослан царским правительством на поселение в Сибирь из центральной России.

Черепахин, слесарь Батайских мастерских в Ростове-на-Дону, был выслан царским правительством в Сибирь за участие в вооруженном восстании в 1907 г.

Петухов, петербургский рабочий, потом солдат Преображенского полка, за участие в первомайской демонстрации был выслан в Сибирь, в приленский край. Позже, уже при советской власти, он был председателем Кузнецкого уездного совета рабочих и солдатских депутатов. В 1920 г. его зверски расстреляли бандиты барона Унгерна.

Зелионко — окончил Ставропольское ремесленное училище. Приморским военно-окружным судом в 1908 г. он был признан виновным в пропаганде и присужден к поселению в Сибирь.

Украинцев — ссыльнопоселенец. Где, когда и за что был осужден, сведений нет.

Подзаходников работал на Надеждинском прииске в механической мастерской. Бывш. бакинский слесарь.

В 1910 г. был сослан на Лену после знаменитой всеобщей политической стачки в г. Баку.

М. Лебедев — ставший позже членом Центрального стачкома. На Лену он попал с каторги на Амурской железной дороге, где отбывал наказание, как участник восстания матросов Балтийского флота 26—27 октября 1905 г.

Таково было лицо большевистских руководителей забастовки на Лене. Большевиков же, принимавших участие в забастовке в качестве председателей и членов приисковых стачечных комитетов, делегатов, старост, тоже было не мало.

Это были в большинстве своем кадровые рабочие, принимавшие самое активное участие в первой русской революции 1905—1907 гг. и имевшие уже достаточный опыт революционной борьбы.

П. Подзаходников в своих воспоминаниях приводит интересные данные о работе большевистской группы на приисках, о ее борьбе с меньшевиками и пр. «С первого же момента, — пишет он, — стачка была, безусловно, под влиянием и организационным воздействием большевистской группы передовых рабочих на Лене. Правда, их было меньшинство, но тем характернее, что это меньшинство завоевало с первых же дней авторитет, который за все время стачки не только не снижался, а, наоборот, все возрастал. Достаточно вспомнить голосование пункта требований о восьмичасовом рабочем дне. Пункт этот был выдвинут нашей группой и принят большинством. А меньшевистская группа, возглавляемая Думпе и Розенбергом, говорила о десятичасовом, в крайнем случае девятичасовом рабочем дне. Эта группа с первого же дня стачки шла на поводу у администрации «Лензото», страхуя себя от потери того привилегированного положения, которое она занимала. И вообще с первых дней стачки ясно проявились две линии и две тенденции — группы большевиков и группы меньшевиков».

Меньшевистская группа на приисках, в большинстве своем занимавшая тепленькие местечки у «Лензото»,

всячески пыталась сорвать забастовку. Связавшись с Тульчинским, меньшевистская группа во главе с Думпе повела усиленную агитацию за прекращение забастовки. Ей удалось склонить на свою сторону большинство беспартийных членов Центрального стачечного комитета. На одном из своих заседаний в конце марта Центральный стачком принял решение прекратить забастовку (большинство членов стачкома голосовало вместе с меньшевиками за прекращение забастовки, только 12 или 13 человек голосовали против).

Большевики решили всеми силами воспрепятствовать срыву забастовки. Капитулянтское решение стачкома должно было утверждаться на общем собрании рабочих. Большевистская группа через старост бараков повела усиленную агитацию за продолжение забастовки. Результаты оказались чрезвычайно характерными. О них пишет в своих воспоминаниях Г. Черепахин: «Около 11 часов утра 25 марта, по приезде Тульчинского, был созван на Феодосиевском прииске митинг. Здесь выступали Тульчинский, Думпе и ряд других сторонников прекращения забастовки. Председательствовал на этом митинге я. Я был уверен, что рабочие на работу не выйдут, так как старосты свое дело сделали. Не высказываясь, я предложил провести тайное голосование за продолжение стачки и за выход на работу. Были выставлены две сахарные бочки, на которых были приклеены ярлыки: «пойду на работу» и «не пойду на работу». Построились вереницей, брали в руки по камешку, и две руки опускались в бочки. Сперва стука камешков не было слышно, так как там была подостлана солома; когда одна бочка наполнилась, приступили к подсчету. Раздался общий смех, так как бочка, на которой было написано «не пойду на работу», была переполнена, а в бочку, на которой было написано «пойду на работу», было брошено 17 камней».

Так ответили рабочие на меньшевистское предложение прекратить забастовку. Забастовка продолжалась почти 6 месяцев. Рабочие терпеливо переносили все: ни лишения и муки, ни ужасная кровавая

баня не сломили их волю. Это было победой большевистского руководства рабочими массами Ленских приисков.

VI. Расстрел рабочих

Ленской администрации и царским разбойникам было совершенно ясно, что сломить настойчивость рабочих мирными средствами им не удастся. Ни запугивания, ни увещевания, ни голод, ни поголовное увольнение, ни попытки при помощи меньшевиков разложить ряды забастовщиков изнутри — ничто не помогало. Рабочие твердо стояли на своем. Но хищники не желали удовлетворить законнейшие требования рабочих, они не хотели лишиться колониальных сверхприбылей. Забастовка грозила затянуться до бесконечности.

Тогда царизм и предприниматели решили применить оружие. Вместо ожидавшегося рабочими «расследования незаконных действий «Лензото», на прииски начали стягиваться войска. Был послан жандармский ротмистр Трещенков. Царизм решил потопить в крови героическое сопротивление рабочих.

С приездом на прииски Трещенкова и прибытием войск рабочие сразу почувствовали «железную руку» и волчьи зубы царизма. Тон был резко изменен, всякие переговоры с рабочими прекращены. «Становись на работу — никаких разговоров!» Хищный царизм снова взялся за свои излюбленные методы: «тащить и не пущать», «патронов не жалеть»...

Рабочие приисков телеграфировали в Иркутск начальнику горного управления: «Всякие попытки пред'явить иск «Лензото» с нашей стороны полиция вырывает с корнем, арестовывают лиц, знающих юриспруденцию».

Сам Трещенков 4 апреля так телеграфировал начальнику иркутского жандармского управления по поводу просьб рабочих о «выдаче продовольствия для жен, детей»:

«...Силами полиции разогнал собравшихся... Три часа дня прибыл прииск совместно Тульчинским и воин-

ской командой: благодаря последней, настроение рабочих изменилось. Сегодня произвожу обыски, аресты».

Царизм хорошо знал, кого посылал для подавления забастовки: Трещенков уже имел богатый «опыт» усмирений и подавлений народных движений. Он числил за собой 8 таких «усмирений», в Сормове он повесил 80 рабочих, в Киеве он был провокатором. По словам мирового судьи Рейна, Трещенков, приехав на прииски, все время говорил: «Ну, какая это забастовка! Я не с такими справлялся! Эту шваль я быстро призову к порядку!»

Но лучше всего Трещенкова и его «метод» охарактеризовали сами рабочие. Эту характеристику приводит в своей докладной записке чиновник особых поручений Оленич-Гнененко. Вот эта характеристика: «Здоровый, рыжеватый, страсть сердитый, никаких резонтов не принимал. Одно требовал: становись на работы и не смей собираться в кучи, а не то я распоряжусь с вами, как повар с картошкой, да зверски кричал: «Я вам прибавлю жалованья! Ждите меня в другой раз. Если через два дня на работу не выйдете, прибуду с войском и разделаюсь по-своему!»

Но угрозы Трещенкова не устрашили рабочих. По заявлению Оленича-Гнененко, Трещенков «окончательно ожесточил их резким обращением и таким способом укрепил руководителей забастовки...» Центральный стачечный комитет писал в своем воззвании к рабочим:

«Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра. Пусть он лает сколько угодно, но только жаль его бесполезных усилий. И много ли можем мы обратить наше внимание на брехню полицейской собаки? У нас более важные дела. Мы должны настаивать, чтобы исполнили законный расчет и требования».

Не запугала рабочих и кровавая баня, организованная 4 (17) апреля Трещенковым. Когда после расстрела и ареста членов стачечного комитета Трещенков захотел поговорить с рабочими и предложил им прислать представителей, рабочие бесстрашно ответили: «У нас есть представители, они сидят в тюрьме, ты их

посадил. Освободи их и говори с ними! Других же выборных мы не можем выбирать».

Неопровержимые данные с полной очевидностью показывают, что кровопускание было предрешено ленскими хищниками и царскими властями заранее. Исправник Галкин в своих показаниях писал: «Трещенков, когда приехал, сказал: «Я имею указание губернатора подавлять забастовку силою оружия».

Мировой судья Рейн в телеграмме иркутскому губернатору приводит интересный факт. «Инженер Александров, — писал он,—обещал показать на следствии, что слышал, как Теппан (заместитель главноуправляющего приисками. — **А. П.**) говорил, что деятельность «Ленского золотопромышленного товарищества» настолько важна для государства, что можно уложить для спасения дела человек шестьдесят».

Об этом же говорит и тот факт, что «по всем больницам за три дня до 4 апреля были даны секретные приказы заготовить перевязочные материалы и все необходимое для приемки большого количества раненых; для перевозки раненых были мобилизованы лошади, находившиеся на конных дворах всех приисков» (из воспоминаний И. Кудрявцева).

Таким образом, все было заранее подготовлено. Для кровопускания нужен был лишь подходящий повод.

В поисках повода для кровопускания Трещенков еще 27 марта телеграфировал в Иркутск, что он «настоятельно находит необходимым арестовать агитаторов, стачечный комитет», так как «есть основания предполагать, что с его арестом забастовка будет сорвана». Внося такое предложение и настаивая на нем, Трещенков рассчитывал убить сразу двух зайцев: во-первых, обезглавить стачку, лишить ее руководства и, во-вторых, спровоцировать рабочих на выступление.

Не подлежит никакому сомнению, что Трещенков и «работавшие» с ним в полном контакте «золотой судья» Хитун, заместитель главноуправляющего приисками Теппан, товарищ прокурора Преображенский, Тульчинский и др., не могли не знать, как ревностно

отстаивали рабочие своих уполномоченных — стачечный комитет.

Еще 4 марта на общем собрании, при выработке требований к «Лензото», рабочие прямо заявили (это было дословно записано в тексте «требований»): «Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, **а поэтому заявляем: если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работы».**

Подобные заявления рабочие делали неоднократно; например, в своем заявлении на имя Тульчинского рабочие Андреевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков писали: «Заявляем вам, что если нашими охранителями (т. е. полицией. — **А. П.**) еще повториться попытка арестовать наших так называемых «главарей», то это будет провокация со стороны наших охранителей».

Таким образом, у Трещенкова и компании была большая надежда на то, что арест «главарей» вызовет среди рабочих возмущение, создаст среди них нервное настроение. В результате, может представиться «хороший» повод для кровопускания. И Трещенков пошел на эту провокацию.

30 марта начальником иркутского жандармского управления была получена от директора департамента полиции Белецкого из Петербурга телеграмма: «Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, и если не будет данных для дознания или следствия, возбудить охранную переписку». Телеграмма была передана Трещенкову, который немедленно принялся за дело. Сделав все необходимые приготовления, он в ночь с 3 на 4 апреля арестовал 10 членов Центрального стачкома.

Рабочие немедленно заступились за товарищей. Это было сделано мирным путем. Написали прошение об освобождении на имя товарища прокурора Преображенского. Но царские бандиты не желали пропустить «удобного» случая для кровопускания. Рабочим было

предложено каждому в отдельности написать заявление и подать прокурору. Таким образом, сами власти создали шествие рабочих целой колонной к конторе. Это была явная провокация. «Правда о Ленских событиях» писала по этому поводу: «...Если бы нужно было выдумать адский план вызова рабочей массы на выступление в целях расстрела ее, то выдумать лучше было бы нельзя».

Всю ночь писали рабочие заявления, так называемые «сознательные записки», как они окрестили их; грамотные помогали неграмотным. 4 (17) апреля все вместе организованно пошли к конторе передать прокурору требуемые им заявления от каждого рабочего в отдельности. Рабочие шли мирно без всякого оружия. Не было, конечно, у них никаких палок или камней, как это утверждали впоследствии кровавые палачи.

Но кровавому царизму этого только и нужно было. Был удобный предлог и удобная мишень для кровопускания. Ведь царизм наспециализировался на расстрелах мирных демонстраций и шествий с петициями: 9 (22) января 1905 г. было расстреляно такое же мирное шествие рабочих с петицией к Зимнему дворцу в Петербурге.

И вот, когда рабочие Ленских приисков шли по узкой тропе, по нескольку человек в ряд, направляясь к конторе, неожиданно раздался рожок горниста. Была отдана команда: стрелять! И выстрелы прогремели.

После первого же залпа рабочие легли на землю, некоторые начали убегать. Однако, кровавые палачи продолжали стрелять по лежащим и убегающим рабочим, дав еще несколько залпов. Об этом говорят ранения рабочих по большей части в спину, иногда в подошву ноги и т. д. Производивший следствие о расстреле мировой судья Рейн в своем сообщении в чрезвычайную следственную комиссию, созданную уже после революции 1917 г., писал: «Судебно-медицинский осмотр 192 раненых дал подавляющий процент тыловых ранений».

Так, в угоду английским капиталистам — хозяевам «Лензото» — и их русским компаниона̀м, для устрашения рабочих, для удовлетворения алчных аппетитов ленских людоедов, для того, чтобы припугнуть рабочих других городов и местностей, поднимавшихся к борьбе, были расстреляны на Лене сотни ни в чем не повинных людей: 270 рабочих были убиты, 250 — ранены. Такова была жертва кровавого ленского расстрела.

В приисковой Благовещенской церкви сохранилась запись одного из очевидцев событий 4 (17) апреля 1912 г. «Войдя в первую палату, — читаем в записи, — я увидел поразительную картину: кругом на полу и на кроватях лежали в беспорядочном виде груды раненых рабочих, пол покрыт кровью, кое-где видны клочки сена, служившие постелью раненым; перевязки, сделанные, вероятно, с вечера, потерявшие свой вид до неузнаваемости, у некоторых были заменены собственным материалом из одежды. Вся палата была оглушена стонами умирающих: «За что, за что!» Тут же происходили трогательные прощания...

...Затем стал расспрашивать о случившемся. Все до одного во всех палатах заявили, что шли только с одной целью — подать прошение г. товарищу прокурора, и недоумевали, за что в них стреляли. Некоторые высказали, что почти все они — бывшие строевые солдаты, отлично знают порядок наступлений и отступлений; если бы имелась мысль о нападении на войско, могли бы обойти кругом и в далеком друг от друга расстоянии, и что у них, кроме спичек и папирос, ничего с собой не было. Это говорили и заверяли клятвой и те из них, которые вслед за сим тут же при мне умирали. Умирающий не врет.

...В котловине в беспорядочном виде навалены груды убитых, у некоторых на лице выражено беспрядельное страдание; много обезображенных от пуль. Кругом толпа родственников; жены убитых перешагивали[1]

---

[1] Так сказано в подлиннике.

через трупы, в массе находили своих мужей, дети — отцов, кидаясь, как безумные, стеная и вопя о неожиданном горе и беспомощности».

А палачи, совершив свое черное дело, немедленно принялись заметать следы. Им нужно было «доказать», что стреляли они в рабочих в целях самозащиты, что «толпа рабочих» напала на солдат. Им нужно было это не для оправдания перед начальством. Начальство могло только похвалить за расстрел—и, действительно, позже хвалило и всячески выгораживало палачей. Замести следы нужно было для оправдания перед общественным мнением страны. И вот повсюду собирались обломки кирпича, выламывались палки от заборов и все это вагонами отправлялось в Бодайбо как «вещественное доказательство» нападения рабочих. В Иркутск и Петербург строчили телеграммы «о нападении толпы раз'яренных рабочих на солдат». «Золотой судья» Хитун, один из участников расстрела, принявшийся за ведение следствия по делу «о нападении толпы», всячески запутывал следствие. А когда ведение следствия было передано Рейну, Трещенков и товарищ прокурора неоднократно обращались к нему с вопросами: «Когда же вы будете сажать?», «Не пора ли нам привлекать?», т. е. не пора ли сажать рабочих, «напавших» на войска 4 (17) апреля.

Гнусные бандиты в своем цинизме дошли до того, что, вместо помощи семьям невинно убитых и раненых ими же людей, потребовали на похороны убитых по 5 руб. с каждой вдовы.

Но... палачи просчитались. «Спасительное» кровопускание, на которое ленскими людоедами возлагалось столько надежд, неожиданно для них дало совершенно обратные результаты. 520 невинных жертв не сломили настойчивости ленских рабочих. Забастовка на приисках продолжалась после расстрела с еще большим упорством.

В статье «Они хорошо работают...», опубликованной 30 апреля 1912 г., ровно через 13 дней после расстрела, в «Звезде», товарищ Сталин писал:

«Двух зайцев хотели убить в день выстрелов.

Во-первых, удовлетворить алчные аппетиты ленских людоедов.

Во-вторых, припугнуть рабочих других городов и местностей, — дескать, несите безропотно ярмо капитала, а то сделаем с вами то же, что с ленскими рабочими.

В результате — не достигли ни того, ни другого.

Ленские людоеды не удовлетворены, ибо забастовка на приисках продолжается.

Рабочие же других городов не только не напуганы, а наоборот, в знак протеста против расстрелов подымают забастовку за забастовкой» [1].

Настойчивость и бесстрашие рабочих Ленских приисков достойны удивления. Только «более 400 вышли после расстрела на работу, — писал рабочий Кузнецов в чрезвычайную следственную комиссию, — пришлось на этих рабочих обратить особое внимание. Эти же самые рабочие, и эта же шахта, и эти же забои в шахте, и этот же контракт старый. До забастовки зарабатывали не более 2 руб., а после расстрела зарабатывали до 5 руб. Это очень нас удивило, как они заманивали людей на работу».

Но заманить рабочих ленским людоедам так и не удалось. На малодушных, которые вышли после расстрела на работу, «было обращено особое внимание», и они тоже вскоре бросили работу. Теперь, после расстрела, рабочие уж ни за что не соглашались остаться на работе у ленских хищников. Ничто теперь не привлекало их: ни заработки, ни новый договор.

В телеграмме директору горного департамента от 8 мая Тульчинский писал: «Сегодня от десяти утра до семи вечера убеждал выборных рабочих всех приисков, числе около 300 человек, встать работы новым договором основании об'явления приискового управления 11 апреля последних уступок «Лензото». Все вы-

---

[1] **Сталин,** Они хорошо работают... Сб. Ленин и Сталин, — «О ленских событиях», стр. 19, Госполитиздат, 1938 г.

борные единодушно заявили, что после событий 4 апреля им тягостно встать работы «Лензото»...»

Рабочие твердо решили всем до одного уехать с приисков, уехать оттуда, где лилась рабочая кровь. Ничто не помогло: ни уговоры приезжих столичных адвокатов, с Керенским в том числе, ни уговоры прибывшего с ревизией сенатора Манухина...

Рабочие согласились остаться лишь до окончания ревизии и даже приступили к работе на две недели по требованию Манухина. Сенатор предложил рабочим встать на работы якобы для того, чтобы он мог видеть «в натуре» всю обстановку труда на приисках — это, мол, нужно по ходу ревизии. Рабочие согласились на это только потому, что сами были заинтересованы в ходе ревизии, сами просили расследовать действия «Лензото». Они еще наивно полагали, что «сенаторская ревизия» может что-либо сделать (заметим, что ни один из ревизоров не спустился в шахты посмотреть на «необходимые» по ходу ревизии возобновленные работы).

Итак, снова заработали шахты. Во все концы полетели радостные телеграммы ленских хищников и царских разбойников: «Рабочие приступили к работе, теперь они уже не бросят ее...» Но... эти надежды оказались напрасными. Проработав ровно две недели, рабочие, все как один, бросили работу. Забастовка продолжалась. Забастовка не была сорвана.

Центральный стачечный комитет, под руководством большевиков, работал в новом составе и твердо продолжал руководить забастовкой. Рабочие настояли на своем. 6 августа новый главноуправляющий приисками телеграфировал в Петербург правлению «Лензото»: «Последняя партия рабочих ушла сегодня из Бодайбо. Все бастовавшие, за исключением полусотни, ушли».

Это был демонстративный выезд рабочих. Победа была на их стороне.

VII. Значение ленских событий

«Ленские дни, словно ураган, ворвались в ту атмосферу «успокоения», которая была создана столыпинским режимом»[1]. По всей царской России, в ответ на ленский расстрел, грозно прокатилась волна **политических** забастовок, демонстраций, митингов протестов, которые явились предвестником великого 1917 г.

По самому приблизительному подсчету, в забастовках, связанных с ленскими событиями, участвовало около 300 тыс. рабочих, а в первомайских забастовках 1912 г. — 400 тыс. Это было не меньше, а скорее больше, чем перед началом революции 1905 г. Десятки и сотни протестов рабочих против дикого расстрела на Лене были посланы в социал-демократическую фракцию Государственной думы. В самом Петербурге, под носом у кровавого царя, состоялась многотысячная демонстрация рабочих и студентов... Общее политическое оживление в стране было чрезвычайно ярким.

«В обществе,—читаем в агентурной выписке департамента полиции от 17 апреля 1912 г., — бесконечные разговоры по поводу ленских событий. Подобного повышенного настроения давно уже не было, причем приходится слышать в отношении правительства отзывы в самом резком, несдержанном тоне. Многие говорят, что расстрел ленских рабочих напоминает расстрел рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г.».

Таким образом, ленские выстрелы могучим эхом отозвались по всей стране. Оживление рабочего движения в России, начавшееся еще в 1910—1911 гг. оборонительными и наступательными **экономическими** забастовками, поднялось на новую ступень.

В уже цитированной нами статье «Новая полоса» товарищ Сталин писал по этому поводу: «Вслед за экономическими выступлениями рабочих — политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату — проте-

---

[1] «История ВКП(б)», стр. 141.

сты, митинги, политические забастовки по поводу ленских расстрелов...»

И дальше: «Теперь пошла третья ступень, период политического движения.

Со ступеньки на ступеньку!» [1]

Таким образом, ленские события были сигналом для «настоящего под'ема революционного движения» [2] во всей России. «Ленские выстрелы разбили лед молчания — и тронулась река народного движения» **(Сталин).** В этом — огромнейшее значение событий на далекой Лене в апреле 1912 г.

О значении ленских событий Ленин писал в статье «Революционный под'ем» (4 июня 1912 г.):

«Ленский расстрел... явился точнейшим отражением **всего** режима 3-тьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из **прав,** хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнешей законности во **всех** отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные **права,** именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что **зажгли** массы **революционным** огнем» [3].

Таково было значение кровавых ленских событий.

«Напрасно ликвидаторы и троцкисты хоронили революцию. Ленские события показали, что революционные силы живы, что в рабочем классе накопилась огромная масса революционной энергии» [4]. И эта революционная энергия прорвалась на Лене («где тонко — там и рвется») потому, что «все, чем болела мно-

---

[1] **Сталин,** Новая полоса. Сб. Ленин и Сталин — «О ленских событиях», стр. 16—17, Госполитиздат, 1938 г.

[2] «История ВКП(б)», стр. 140.

[3] **Ленин,** т. XV, стр. 534. Везде подчеркнуто Лениным.

[4] «История ВКП(б)», стр. 141.

гострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене»[1].

А прорвавшись на Лене, эта революционная энергия быстро разлилась по всей царской России, знаменуя новый прилив революции. Вместе с этим приливом родилась массовая большевистская «Правда», воспитавшая целое поколение революционного пролетариата. «Правда» сыграла огромную роль в организации и развитии нового под'ема рабочего движения.

Кадеты, октябристы и прочие царские прислужники при обсуждении запроса социал-демократической фракции по поводу ленских событий в III Государственной думе из кожи лезли вон для того, чтобы «доказать», будто в кровавых событиях на Лене царизм вовсе не повинен. Бешено аплодировали царские прислужники в думе, когда было сообщено, что царь решил послать «сенаторскую ревизию» Манухина на прииски для «расследования» преступлений. Следовательно, виновата, мол, не система в целом а «мелкие сошки», которых можно наказать и успокоиться...

Однако, последующие факты красноречиво показали еще раз, что «мелкие сошки», типа Трещенкова и Хитуна, действовали по прямому заданию свыше, а «сенаторская ревизия» Манухина была снаряжена перетрусившим царем исключительно с целью успокоить общественное мнение страны, прекратить забастовки, ввести в заблуждение рабочих. В действительности никто не собирался всерьез привлекать Трещенкова к ответственности. Наоборот, он был взят под защиту царскими властями и самим царем. Привлекли же к ответственности... рабочих — руководителей стачки.

Это сразу стало ясным после речи в Государственной думе царского министра внутренних дел Макарова, который во всеуслышание заявил: «Так было и так будет впредь». Макаров говорил в своей речи: «Глубоко прискорбные события 4 апреля должны лечь, по

---

[1] Сталин, Тронулась! Сб. Ленин и Сталин — «О ленских событиях, стр. 21, Госполитиздат, 1938 г.

моему крайнему убеждению, тяжелым гнетом не на тех лиц, которые распоряжались воинской командой, а на агитаторов, сидящих в тюрьме, и на всех тех, кто с ними».

Трещенков для спасения его от ярости рабочих немедленно после расстрела был вывезен с приисков под чужой фамилией. Затем он уезжает в Петербург в распоряжение министерства внутренних дел, где по личному приказу царского министра получает повышенный оклад жалованья.

Для отвода глаз общественности Манухин заводит «следственное дело» против Трещенкова по обвинению его в превышении и бездействии власти. «Дело» это попадает в министерство внутренних дел. Но министр... не находит за Трещенковым состава преступления и постановляет: дело прекратить, направив свое «решение» в сенат на утверждение...

Однако, министр опоздал. Независимо от него и до его решения о прекращении дела состоялось «высочайшее повеление» о временном приостановлении дела против Трещенкова (до окончания войны) «с разрешением ему ныне же вступить в действующую армию».

Так своего верного холопа Трещенкова, провалившегося на одном поприще (оставаться дальше в жандармерии было рискованно: ему грозил террористический акт), кровавый царь направляет на другое поприще, где ротмистр мог продолжать свою карьеру и преуспевать.

О том, как подвигалась «работа» сенаторской «ревизии» Манухина на приисках, мы узнаем из заявления рабочих Феодосиевского прииска от 27 июня 1912 г. «На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня, — читаем в этом заявлении, — при обсуждении суточного договора расценки работ, рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, а крепкий белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии. Виновность ленцев не установлена, и на них не наложена обязанность штра-

фа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновников 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом, не выяснена правда».

Так «работал» сенатор Манухин на приисках. Исписаны были горы бумаги, где описывалось положение рабочих на приисках. Но... дальше этих «ученых» изысканий «ревизия» Манухина не пошла. Бумага нужна была для отвода глаз.

А вот как шло следствие по делу о кровавых событиях 4 (17) апреля на приисках. Прокурор иркутской судебной палаты Нимандер, вернувшись в 1913 г. из Петербурга, после приема у царского министра юстиции Щегловитова, рассказывал, что министр, прощаясь с ним и коснувшись следствия по делу о событиях 4 апреля, напутствовал его: «Ну-с, так медленно поспешайте», т. е. тяните со следствием побольше.

И царские молодчики потянули... Так затянули следствие, что оно не было закончено даже к 1917 г., т. е. к моменту свержения царизма.

Временное правительство принялось тянуть дальше. В демагогических целях оно создало даже громкую «чрезвычайную следственную комиссию», но... и оно не дотянуло.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция поставила точку на этом деле, точно так же как была поставлена точка над капиталистами, помещиками и царскими разбойниками.

Октябрьская революция по-своему закончила дело о ленском расстреле. Трещенков в начале 1920 г. был арестован, судим и расстрелян в Иркутске. Тульчинский был арестован и осужден в Ленинграде в начале 1938 г. (Тульчинскому удалось дотянуть до 1938 г. только потому, что до этого не было известно, что он являлся провокатором). Обходный Бармин, издевавшийся в свое время над рабочими, был предан суду революционного трибунала Ленских приисков и расстрелян. Вся остальная свора ленских людоедов ли-

бо была настигнута пролетарской рукой и уничтожена, либо бежала за границу.

Так Великий Октябрь поставил точку как над системой, породившей «ленские события», так и над гнусными представителями этой системы.

В своем приветствии рабочим советских Ленских приисков по поводу 15-й годовщины ленского расстрела товарищ Сталин писал: «Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима, вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире **своего** рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса!»

VIII. На Ленских золотых приисках—сегодня

Прошли года. Много еще бурных времен пережили Ленские золотые прииски, много еще невзгод перенесли ленские рабочие, прежде чем завоевали то, что имеют сегодня. После событий 1912 г., набрав новых рабочих, ленские людоеды принялись с удвоенной энергией выжимать десять потов из рабочего [1].

---

[1] Наученные горьким опытом во время событий 1912 г., ленские хищники, для того чтобы иметь возможность попрежнему выжимать из рабочего колониальные сверхприбыли, решили, по совету американского инженера Пюрингтона, заменить «теперешних рабочих желтыми и темнокожими» (из доклада Пюрингтона). Правда, «темнокожих» рабочих им не удалось найти, зато они широко применили на приисках труд китайцев и корейцев. Была сделана попытка привлечь на прииски и «инородцев», например, киргиз, но эта попытка окончилась неудачей. Кроме того, на приисках широко стали применять труд каторжан и военнопленных (во время войны). В результате, окружной инженер Александров писал в своем отчете: «...На 1 декабря 1916 г. состояло зарегистрированных приисковых рабочих по добыче золота: русских 847, корейцев

Банды Колчака, Семенова, Пепеляева во время гражданской войны громили и разваливали приисковое хозяйство. Белая свора не только воскресила на приисках худшие времена столыпинско-белозеровского режима, но и превзошла их. По малейшему поводу, по малейшему подозрению в сочувствии большевикам рабочих хватали группами и варварски расправлялись с ними.

Но вот окончилась гражданская война. Колчак, Пепеляев были расстреляны. Атаман Семенов бежал в Китай. Белая свора уничтожена.

И трудящиеся СССР, свободно вздохнув, принялись под руководством партии Ленина—Сталина строить социализм на обновленной земле.

Две сталинские пятилетки буквально преобразили Ленские золотые прииски.

Сейчас Ленские прииски не узнать. Старые шахты, грозившие смертью рабочему, заброшены. На Лене построена и продолжает развиваться бурными темпами социалистическая промышленность, достойная советского социалистического государства.

Из 30 шахт Ленских приисков, которые находились в эксплоатации в 1937 г., 24 шахты были построены за последние 5 лет (1932—1937 гг.). Все эти шахты представляют собой весьма сложные, капитальные сооружения, оснащенные передовой техникой.

Вместо качающихся лестниц (стремянок), установленных в неосвещенных стволах шахт, как это было прежде, сейчас на всех шахтах — электрические под'емники и капитальные лестницы. Работа во многих забоях ведется отбойными молотками; на Ленских приисках применяется уже механическое пневматическое бурение. Шахты снабжены мощными насосами, которые откачивают воду из золотоносных пластов. Электрические драги и гидравлики (до революции на приисках совсем не было ни драг, ни гидравлик) промы-

---

1 289 и китайцев 1 788, т. е. русских рабочих в округе только 21,5%». «Цветным» рабочим зарплата выплачивалась на 20% меньшая, нежели русским рабочим.

вают сотни тысяч кубических метров золотоносной породы. Откатка породы производится механическим путем.

Пущена в действие Мамаканская теплосиловая электростанция, дающая ток Ленским приискам. Кроме того, строится мощная Энгажиминская гидроэлектростанция.

Для того чтобы судить о степени механизации работ на приисках, достаточно сказать, что до революции (1914 г.) механическим путем было добыто лишь 5,6% всего количества полученного рассыпного золота, а в 1938 г. механическим путем добыто более 70%.

Создана заново промышленность, которой совершенно не было в царской России и которая снабжает золотую промышленность специальными механизмами.

Значительно улучшилась связь далеких Ленских приисков с остальным Советским Союзом. Нет той отрезанности приисков от всего мира, которая была раньше. Авиационное сообщение намного приблизило Лену к Иркутску. Если раньше почта — «гоньба» — тащилась из Иркутска до Ленских приисков целый месяц, то теперь самолет покрывает это расстояние в 10 часов. На самолетах доставляется почта, газеты, журналы, новые кинокартины и др.

Коренным образом изменилось положение рабочих на Ленских приисках. Уже в 1937 г. средний заработок ленского шахтера составлял около 700 руб., а стахановцы зарабатывали 1 500 руб. и больше.

Жилищные условия рабочих в настоящее время не идут ни в какое сравнение с тем, что было раньше. Вместо прогнивших, сырых и холодных бараков и казарм, сейчас на приисках выросли поселки из новых хороших домов. Широко развито индивидуальное строительство жилых домов. Семейные имеют отдельные квартиры, холостые рабочие — образцовые общежития. Жилищный фонд на приисках быстро увеличивается.

Широко развернулось культурное строительство на Ленских приисках. Вместо 5 школ, в которых обучалось в 1912 г. 700 школьников — детей только ин-

женеров и служащих, в 1938 г. в районе Ленских приисков было 35 школ, из них полных и неполных средних — 8. В этих школах обучалось в том же году 8691 детей рабочих и инженерно-технического персонала. На приисках построен Дом техники на 500 человек. Имеются горный техникум и рабфак, средние школы для взрослых, школы для малограмотных, интернаты, детские сады и т. д.

В районе Ленских приисков 8 благоустроенных больниц и 25 врачебных и фельдшерских пунктов. Кроме этого, имеется межприисковая больница на 100 коек. На приисках имеется хорошо оборудованная физиотерапевтическая лечебница, рабочий может получить электролечение, водолечение и светолечение. В распоряжении ленских рабочих собственный дом отдыха, расположенный в красивой местности по реке Витим.

16 прекрасно оборудованных яслей обслуживают детей рабочих. А раньше, чтобы дети не попадались на глаза обходному, их... привязывали в казармах веревкой к нарам!

На приисках имеются хорошо оборудованные клубы, десятки красных уголков. Работающих на приисках обслуживают 5 звуковых кино. Имеется драматический театр, в котором выступают приезжающие на гастроли артисты Москвы, Ленинграда и других городов. Прииски радиофицированы; имеется телефонная связь. На приисках имеются стадионы, катки, детские площадки, спортивные площадки, магазины. В районе выходит ежедневная газета «Ленский шахтер».

Так ленские таежные прииски, когда-то дикие и заброшенные, преобразились усилиями большевиков.

Товарищ Сталин уделяет большое внимание приискам и вообще золотой промышленности.

Растет стахановское движение.

Инициаторами стахановского движения на Ленских приисках явились старые ленские рабочие — свидетели кровавого расстрела в 1912 г.

Советская золотая промышленность, несмотря на все происки троцкистско-бухаринских бандитов, пытавшихся подорвать валютную мощь Страны Советов, быстро растет. Советский Союз быстро обгоняет по золотодобыче капиталистические страны. Разгром подлых врагов народа, ликвидация троцкистско-бухаринских извергов, шпионов и вредителей способствовали под'ему советской золотопромышленности. Теперь мы обогнали уже по добыче золота даже Соединенные Штаты Америки; мы добываем сейчас больше золота, чем США и Канада, вместе взятые. Если царская Россия стояла по золотодобыче на четвертом месте, то Советский Союз уже стоит на втором. Впереди нас еще идет только Английская колония Трансвааль (Африка). Нет сомнения в том, что в борьбе за успешное разрешение основной экономической задачи, поставленной XVIII с'ездом ВКП(б), — догнать и перегнать передовые капиталистические страны и в экономическом отношении — мы и в области золотодобычи выйдем на первое место в мире.

...Кровь, пролитая рабочими Ленских приисков в апреле 1912 г., не пропала даром.

На месте царской России создано социалистическое государство, государство рабочих и крестьян.

Навеки покончено со строем эксплоатации.

Советский народ, под руководством большевистской партии, под руководством товарища Сталина, построил в основном социализм и идет уверенно по пути к коммунизму.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Список использованной литературы

1. **В. И. Ленин и И. В. Сталин,** О ленских событиях, Госполитиздат, 1938 г., 54 стр.

2. **«История ВКП(б) (Краткий курс)».**

3. **«Правда о ленских событиях»,** изд. Баташева, Москва, 1913 г., 99 стр. + приложения (документы) на 216 стр.

4. **«Ленские события 1912 года»** (Документы и материалы), изд. Центрархива, 1925 г., 393 стр.

5. **«Ленские приски»** (Сборник документов), изд. «Истории заводов», Огиз, Москва, 1937 г., 566 стр.

6. **Ал. Блек,** Рабочие на Ленских золотых приисках, журн. «Архив истории труда в России», кн. 4, стр. 68—84, 1922 г.; кн. 5, стр. 47—56, 1922 г.; кн. 10, стр. 28—42, 1923 г., Петроград.

7. **«Ленский расстрел 1912 г.»** (Новые документы), журн. «Красный архив» № 2 (81), Соцэкгиз, 1937 г., стр. 153—206.

8. **«Новое о ленских событиях»** (По данным архива Иркутского губ. жанд. управления). Документы, собранные Н. Ростовым, журн. «Былое» № 20 за 1922 г., стр. 163—177.

9. **Ш. Левин,** К истории забастовки на Ленских золотых приисках, журн. «Былое» № 20 за 1922 г., стр. 178—193.

10. **«События на Лене в документах»,** изд. Центрархива, Партиздат, М. 1932 г., 88 стр.

11. **«Ленские события»** (Статьи и материалы), Госполитиздат, М., 1938 г., 82 стр.

12. **«Дневник ленской забастовки 1912 года»** (Факты и материалы), Огиз, Иркутское обл. изд., Иркутск 1938 г.

13. **И. Кудрявцев,** Ленский расстрел (Воспоминания участника), изд. «Украінський робітник», Харьков 1934 г., 101 стр.

14. **Граф С. Ю. Витте,** Воспоминания (царствование Николая II), т. II, Гиз, 1923 г.

15. **Ряд статей и материалов** в журналах и газетах: «Советская золотопромышленность», «Цветные металлы», «Плановое хозяйство», «Социалистическое хозяйство Западной Сибири» (Новосибирск), «Правда» (№ 106 от 17 апреля 1937 г.), «Труд» (№ 88 от 17 апреля 1937 г.) и др.

Цена 1 руб.